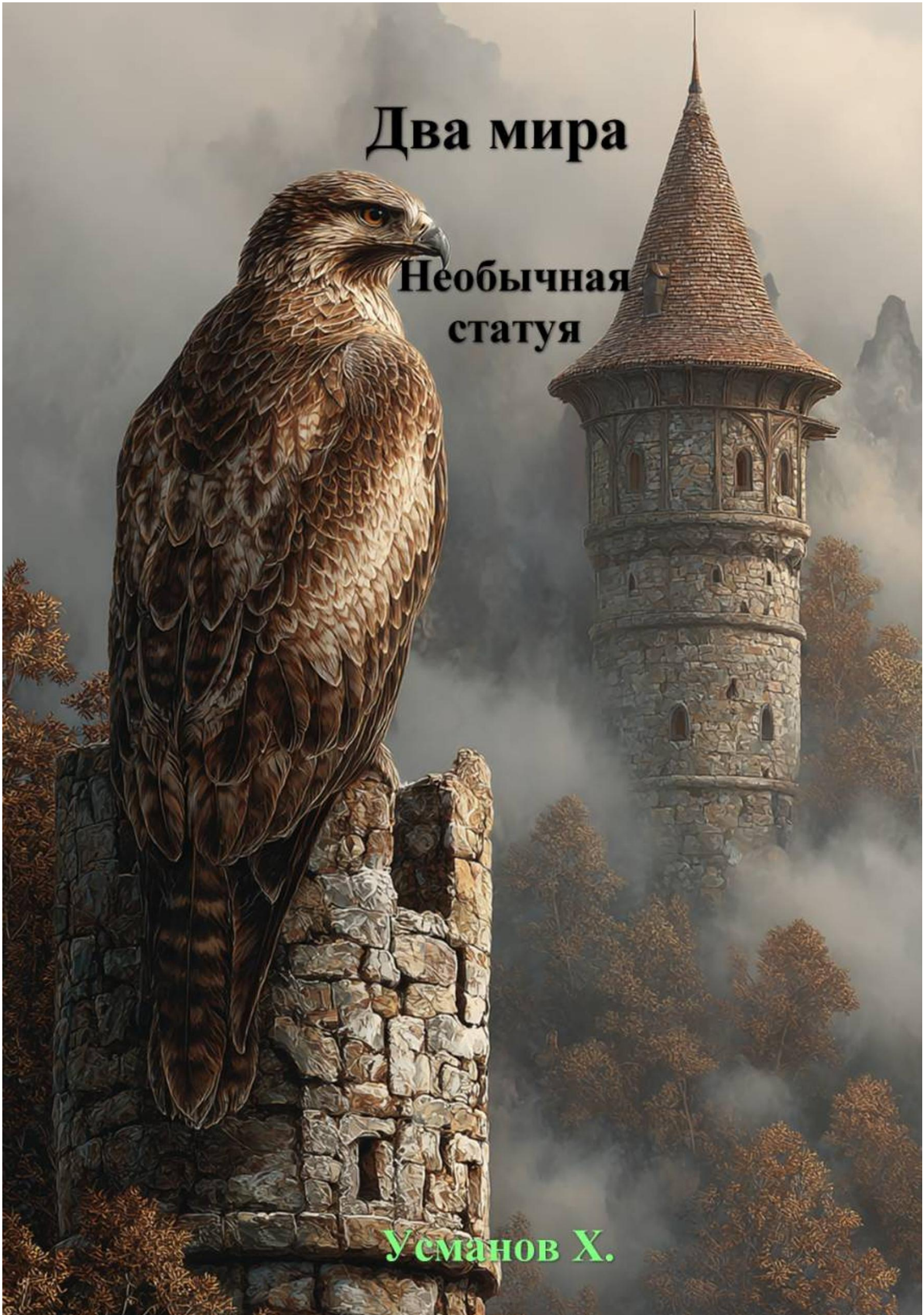
Два мира

Необычная статуя

Усманов Х.

Хайдарали Усманов

Два мира. Необычная статуя

«Автор»
2026

Усманов Х.

Два мира. Необычная статуя / Х. Усманов — «Автор», 2026

Жизнь Алексея только начиналась. Да, тяжёлая. Самостоятельная. Но несчастный случай прямо на выпускном вечере всё уничтожил. Ведь парень, спасая других, погиб в пожаре. Но то, что другие видели, как гибель, для самого парня оказалось дверью в новую жизнь. Тоже не такую уж и лёгкую, как хотелось бы. Ведь он, пройдя сквозь пламя, оказался в мире, где мистика и выдуманные на Земле кошмары, оказались реальностью. Но появление парня в этом мире даже самому ему кажется подозрительным. Ведь даже его собственная кровь оказывается чем-то неведомым для этого мира. Что могло его не только возвысить, но и погубить. И теперь ему предстояло балансировать на этом лезвии, чтобы выжить. И как у него это получится, сложный вопрос...

© Усманов Х., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Подготовка праздника тысячи огней 5
Покупатель 15
День великого торжества 32
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Хайдарали Усманов
Два мира. Необычная статуя

Подготовка праздника тысячи огней

С приближением праздника столица Империи Даюн постепенно менялась. Сначала это были почти незаметные приготовления, которые могли бы остаться без внимания человека, не привыкшего следить за жизнью большого города. На улицах появились дополнительные бригады рабочих, очищавших водостоки и мостовые, возле городских ворот начали ремонтировать дорожное покрытие, а у некоторых перекрёстков установили новые фонари. Затем к этому добавились повозки с древесиной, камнем, тканями и всевозможными украшениями. Одни мастера укрепляли деревянные галереи, другие возводили временные павильоны, третьи занимались оформлением площадей, на которых должны были состояться праздничные представления. Вскоре стало понятно, что речь идёт не об очередном придворном торжестве. Приближался юбилей вдовствующей императрицы.

В столице и прежде устраивали пышные праздники, отмечали дни рождения членов императорской семьи, проводили сезонные торжества, устраивали большие жертвоприношения и военные смотры. Однако нынешнее событие имело совершенно иной масштаб. Вдовствующая Императрица была не просто матерью правящего государя. Она принадлежала к тому поколению, которое пережило смену власти, дворцовые потрясения и несколько непростых периодов в истории Империи Даюн. Её уважали даже те, кто не испытывал особой любви к Императорскому дому, а среди старой знати её слово по-прежнему обладало значительным весом.

Поэтому никто не собирался экономить на празднике. Императорский двор заранее распорядился привести в порядок главные улицы, обновить украшения дворцовых ворот и подготовить места для приёма гостей. Внутренние дворы дворца украсили новыми фонарями, привезёнными из мастерских нескольких провинций. Для больших залов заказали особые ковры, вышитые шёлковыми нитями, а для садов приготовили целые партии редких растений, которые должны были зацвести именно к назначенному дню. В дворцовых мастерских почти не прекращалась работа. Ювелиры проверяли украшения, предназначенные для церемоний… мастера по дереву создавали новые ширмы и резные перегородки… а художники обновляли росписи на некоторых павильонах… Музыканты и артисты репетировали представления, которые должны были сопровождать праздничные приёмы. Даже повара Императорской кухни получили особые распоряжения. Требовалось подготовить блюда из продуктов, которые обычно появлялись на столах лишь в самые важные дни.

Впрочем, дворец был только центром происходящего. Праздник должен был охватить всю столицу. На главных улицах начали устанавливать высокие шесты с разноцветными фонарями. На площадях сооружали деревянные помосты для музыкантов и танцоров. В некоторых районах готовили временные торговые ряды, где можно было приобрести сладости, горячую пищу, украшения, игрушки и разнообразные мелкие изделия. Владельцы чайных домов и ресторанов заранее обновляли вывески, закупали лучшие сорта чая и вина, а также договаривались с артистами, способными привлечь посетителей. Особенно оживлённо стало возле городских ворот. С каждым днём туда прибывало всё больше людей.

Первыми, как и следовало ожидать, появились торговцы. Они двигались из разных провинций, иногда целыми караванами, иногда небольшими группами, состоявшими из нескольких повозок. Одни привозили ткани, другие — посуду и украшения, третьи — редкие продукты, сушёные фрукты, специи и вина. Были и те, кто доставлял товары, предназначенные

исключительно для богатых покупателей. Дорогие шкатулки, резные изделия, нефритовые украшения, редкую бумагу и книги. Для многих торговцев приближающийся праздник был едва ли не самым выгодным временем года. Ведь сейчас в столицу съезжались люди с деньгами, причём не только богатые горожане. Провинциальные дворяне, желавшие показаться при дворе, привозили с собой целые свиты. Их слуги нуждались в пище и жилье, сопровождающие покупали необходимые вещи, а сами господа нередко тратили значительные суммы, пытаясь продемонстрировать своё положение.

К тому же в такие дни появлялось множество случайных покупателей. Люди приезжали посмотреть на праздничные представления, посетить ярмарки, приобрести подарки и просто ощутить себя частью большого события. Поэтому торговые дома заранее отправляли в столицу своих представителей, арендовали склады и лавки, договаривались о местах на рынках. Некоторые даже заключали временные соглашения с владельцами постоялых дворов, чтобы получить право хранить там товары.

Но торговцы были далеко не единственными гостями. Вместе с ними прибывали представители провинциальной знати. Многие молодые дворяне надеялись хотя бы мельком попасться на глаза государю или кому-нибудь из членов Императорской семьи. Для них подобный праздник был редкой возможностью обратить на себя внимание, особенно если их собственные роды не имели постоянного представительства при дворе. Одни привозили дорогие подарки. Другие рассчитывали попасть на праздничный приём, где можно было познакомиться с влиятельными чиновниками. Третьи надеялись, что их заметит кто-нибудь из приближённых Императора и предложит службу. Старшие родственники прекрасно понимали, что подобные надежды часто оказываются напрасными, но всё равно отправляли молодых людей в столицу. Ведь даже случайное знакомство с нужным человеком могло изменить дальнейшую судьбу целой семьи.

Прибывали и представители домов, чьи старшие поколения когда-то оказались в опале. Таких людей было не слишком много, однако их появление привлекало внимание тех, кто умел читать между строк.

При прежнем Императоре некоторые знатные семьи были лишены имущества, другие потеряли титулы и владения, а отдельные представители старой аристократии получили приказ навсегда покинуть столицу. Причины были разными. Слишком уж рьяное участие в придворных интригах… поддержка неудачных политических группировок… злоупотребления властью… тайные заговоры… и даже попытки поднять мятеж…

За открытый мятеж обычно расплачивался весь род. В таких случаях никто не ограничивался изгнанием главы семьи, поскольку само существование подобного дома рассматривалось как потенциальная угроза государству. Но бывали и менее однозначные дела, когда старшие родственники совершали тяжёлые проступки, а младшие члены семей не принимали в них участия. Некоторым из них позволяли сохранить жизнь, лишая прежнего положения и отправляя подальше от столицы.

Однако даже после смены властителя запрет на возвращение оставался в силе. Именно поэтому теперь в город прибывали не сами изгнанники, а их представители. Обычно это были дальние родственники, доверенные управляющие или младшие сыновья, не имевшие отношения к старым событиям.

Они привозили подарки, надеялись встретиться с чиновниками и, если повезёт, получить разрешение на восстановление некоторых семейных прав. Но никто из них не собирался открыто нарушать запрет. Все прекрасно понимали, что подобная попытка может закончиться гораздо хуже прежнего изгнания. Им приходилось действовать осторожно, пользуясь тем, что большой праздник создавал множество возможностей для знакомств и переговоров.

Наряду с благородными гостями в столицу стекались простолюдины. Для них приближающийся юбилей был прежде всего возможностью заработать. Строителям требовались помощники, торговцам — грузчики, постоялым дворам — дополнительные слуги, а богатым гостям

— носильщики, проводники, повара и люди, способные выполнять мелкие поручения. На время праздника открывали временные кухни, устанавливали торговые навесы, нанимали музыкантов и артистов. Даже люди, прежде перебивавшиеся случайными заработками за пределами столицы, теперь могли надеяться получить несколько дней оплачиваемой работы. На дорогах появлялись крестьяне, ремесленники, бывшие солдаты, безземельные молодые люди и целые семьи, решившие воспользоваться случаем, чтобы найти место в городе. Некоторые приходили пешком, неся пожитки на спинах. Другие добирались на телегах, в которых помещалось всё их скромное имущество.

Из-за всего этого городские стражники были вынуждены работать почти без передышки. Проверка прибывающих повозок занимала всё больше времени, а возле ворот постоянно собирались очереди. Дополнительные посты следили за порядком, проверяли документы, осматривали подозрительные грузы и не позволяли торговцам самовольно занимать дороги. Но даже столь многочисленные меры не могли предотвратить появление людей, которые рассчитывали извлечь выгоду из всеобщего оживления совсем другим способом.

Воры и карманники тоже готовились к празднику. Для них предстоящее торжество представлялось едва ли не лучшим временем года. В городе появится множество незнакомцев, состоятельные гости будут носить при себе деньги, украшения и дорогие вещи, а на улицах станет значительно теснее обычного. В праздничной толпе легко затеряться, а если удастся незаметно добраться до кошелька какого-нибудь провинциального дворянина, можно получить больше, чем за несколько недель обычной работы.

Вместе с мелкими ворами прибывали и более опасные люди. Некоторые бандитские группы намеревались воспользоваться тем, что городская стража будет занята охраной праздничных мероприятий и порядком на главных улицах. В тёмных переулках можно было попытаться ограбить приезжего, напасть на небольшую торговую лавку или вымогать деньги у тех, кто не имел влиятельных покровителей.

Впрочем, стражники тоже не были новичками. Они прекрасно понимали, что большой праздник неизбежно привлекает преступников, поэтому в город поступили дополнительные распоряжения. Усилили патрулирование рынков, проверяли подозрительные постоялые дворы, а в некоторых районах заранее выставили людей, которые должны были наблюдать за появлением незнакомых групп.

Но столица Империи была слишком велика, чтобы полностью контролировать всё происходящее. Именно этим обстоятельством собиралась воспользоваться одна группа приезжих. Они прибыли в город ближе к полудню, когда возле ворот уже скопилось достаточно много повозок. Их караван не выглядел особенно богатым. Несколько тяжёлых телег с высокими тентами, пара вьючных животных и небольшая группа сопровождающих, одетых как обычные торговцы. На первый взгляд ничего необычного. Лошади были крепкими, но не породистыми. Повозки имели потёртые борта, местами покрытые следами старых ремонтов. Тенты изготовили из плотной ткани, давно утратившей первоначальную яркость. На одном виднелось несколько аккуратно зашитых прорех, на другом — пятно, похожее на след от пролитого масла. Если бы не несколько особенностей, такой караван вообще не привлёк бы внимания. Во-первых, телеги были необычно высокими. Под тентами находилось достаточно места, чтобы перевозить крупные бочки и высокие штабеля сундуков. Во-вторых, сами бочки отличались внушительными размерами. Некоторые были настолько широкими, что для их погрузки требовалось участие сразу двух человек. В-третьих, повозки имели довольно странное днище. Оно было сделано не из обычных досок, как можно было ожидать от торгового транспорта, а из толстых, тщательно подогнанных брёвен. Их поверхность была обработана и выровнена, однако округлые очертания всё равно оставались заметными. И именно это обстоятельство и привлекло внимание одного из стражников.

— Эй, торговец!

Мужчина, шедший возле первой повозки, остановился и обернулся. Это был человек средних лет с заметно поредевшими волосами. На макушке уже образовалась небольшая лысина, а по бокам головы ещё держались короткие тёмные пряди. Он выглядел усталым, как и большинство людей, проведших несколько недель в дороге.

— Что случилось, почтенный стражник?

Тот указал на повозку.

— Почему у тебя днище сделано из брёвен? Где доски?

Торговец посмотрел туда, куда указывал стражник, и почесал начинающую лысеть голову.

— Ах… Это, господин, старая история.

— Какая ещё история?

— Мы часто возим тяжёлые товары. Вино, масло, металлические изделия, иногда камень. Обычные доски долго не выдерживают. Сначала трескаются, потом начинают прогибаться, а однажды у нас вообще развалилось днище прямо посреди дороги.

Он вздохнул с таким видом, словно вспоминал о серьёзной неприятности.

— После этого решили не экономить на основании. Сделали из толстых брёвен. Конечно, повозка стала тяжелее, зато выдерживает груз. Да и ремонтировать её теперь проще.

Стражник недоверчиво посмотрел на него.

— Тяжелее? Да она и без того выглядит так, будто ты перевозишь половину горы.

— Так ведь товар тоже немалый, господин. Посмотрите сами.

Торговец приподнял край тента, позволяя взглянуть на содержимое.

Внутри действительно находились бочки, сундуки и несколько тюков ткани. Всё выглядело вполне обычно. На бочках были выжжены торговые отметки, а возле некоторых стояли небольшие таблички с названиями товаров.

— Вино, растительное масло, сушёные продукты, ткани… — перечислил торговец. — Ничего запрещённого. Можете проверить.

Стражник некоторое время смотрел на груз, затем махнул рукой.

— Следующая!

Остальные повозки проверили примерно так же. Стражники осматривали бочки, заглядывали под тенты, проверяли документы и задавали привычные вопросы. Один из сопровождающих даже открыл сундук с тканями, показав несколько рулонов добротного полотна. Другой предъявил бумаги, подтверждавшие право на перевозку товара. Никто не стал разбирать днище повозок. Никто не заметил, что некоторые из брёвен были слишком массивными для обычного торгового транспорта, а их внутренняя структура не соответствовала внешнему виду.

Когда проверка закончилась, торговец снова поправил тент, сел на своё место и негромко прикрикнул на возницу. Караван двинулся дальше.

— Видишь? — тихо произнёс один из сопровождающих, когда городские ворота остались позади. — Я же говорил, что не станут разбирать повозку из-за нескольких брёвен.

— Не радуйся раньше времени, — ответил лысеющий торговец. — Мы ещё не добрались до места.

— А что может случиться?

— В столице всегда что-нибудь случается. Особенно когда сюда съезжается столько народу.

Он поправил одежду, посмотрел на оживлённую улицу и больше ничего не сказал. Караван двигался по городу неторопливо. На улицах уже было достаточно людно, чтобы возницы постоянно придерживали лошадей. Навстречу попадались телеги с товарами, кареты провинциальных дворян, носильщики, торговцы с ручными тележками и группы людей, пытавшихся найти свободное место для размещения своих пожитков.

Несколько раз им приходилось останавливаться, пропуская большие экипажи. Один из возниц недовольно проворчал, когда мимо них проехала украшенная резьбой карета с гербом какого-то провинциального дома.

— Ещё немного, и по этим улицам вообще нельзя будет проехать.

— Не жалуйся… — отозвался его спутник. — Пока они здесь, мы можем работать.

— Если только не придётся целый день стоять на одном месте.

В конце концов они добрались до нужного района. Дом, к которому направлялись торговцы, не был похож на обычный постоялый двор. Он находился на достаточно широкой улице, но его фасад выглядел скромно. Ворота были высокими, деревянными, без заметных украшений. На стене отсутствовали вывески, а окна первого этажа были закрыты плотными ставнями. Если бы человек проходил мимо, он мог бы решить, что это обычная частная резиденция какого-нибудь состоятельного горожанина.

Однако стоило торговцам подъехать ближе, как один из них спрыгнул с телеги и постучал в ворота. Он не стал представляться случайным именем или объяснять цель визита. Просто назвал несколько слов. За воротами послышались шаги. Через некоторое время небольшое смотровое окошко приоткрылось, и оттуда выглянул пожилой слуга.

— Кто вы?

— Люди из дома господина Ло. Прибыли с товаром.

Слуга внимательно посмотрел на торговца, затем на повозки.

— Мы их ждали. Запускайте во двор.

Ворота открыли почти сразу. Караван один за другим въехал во внутренний двор. Там уже находились несколько слуг, которые поспешили помочь с размещением телег. Никто не стал задавать вопросов о грузе. Судя по их поведению, они прекрасно знали, кого ожидать и что именно следовало сделать. Повозки поставили вдоль дальней стены, подальше от главных ворот. Затем слуги принесли воду для лошадей и предложили торговцам немного отдохнуть.

— Груз пока не трогать… — негромко приказал лысеющий мужчина. — До наступления темноты ничего не переносить.

— Как скажешь, хозяин.

— И проследите, чтобы никто из посторонних не подходил к телегам.

— Будет исполнено.

Днём двор выглядел совершенно обычным. Несколько торговцев сидели в комнате, пили чай, обсуждали дорогу и жаловались на дорожные сборы. Один из них даже вышел к воротам, чтобы посмотреть, не прибыл ли кто-нибудь из их знакомых. Повозки оставались на месте. Бочки стояли под тентами. Сундуки с тканями были аккуратно сложены. И если бы случайный прохожий заглянул во двор, он не увидел бы ничего, что могло бы вызвать подозрение.

Но с наступлением темноты всё изменилось. Сначала хозяин дома распорядился, чтобы слуги закончили вечерние дела и разошлись по своим комнатам. Затем во дворе стало тихо. Лишь изредка слышалось фырканье лошадей, да где-то за стеной скрипели колёса поздней повозки. Когда убедились, что посторонних нет, торговцы вышли к телегам. Они не зажигали больших фонарей. Для работы хватало нескольких небольших светильников, которые давали достаточно света, чтобы видеть нужные детали, но не привлекали внимания с улицы.

Лысеющий торговец первым подошёл к самой дальней повозке. Он присел на корточки, осмотрел днище, провёл рукой по одному из брёвен и удовлетворённо кивнул.

— Начинаем.

Один из его спутников сразу же лёг на землю и забрался под телегу. Там, в тени между колёсами, находилась небольшая система креплений. Она была почти незаметна, если не знать, где искать. Несколько металлических крючков удерживали часть настила в нужном положении, не позволяя ему сдвигаться даже при сильной тряске.

Добравшись до них, мужчина достал из-за пояса небольшой инструмент и начал осторожно освобождать крепления. Работал он медленно, без лишних движений. Каждый крючок снимал отдельно, придерживая деталь рукой, чтобы металл не ударился о деревянную балку.

Тем временем другой торговец забрался в повозку. Он убрал несколько рулонов ткани, отодвинул один из сундуков и освободил участок пола, который снаружи ничем не отличался от остального настила. Затем поддел край одной из досок и приподнял её. Под ней оказалась ещё одна конструкция, соединённая с теми самыми толстыми брёвнами, которые стражник днём счёл просто необычно прочным днищем. Торговец потянул за скрытую рукоять. Часть настила поднялась. Вместе с ней приподнялись и несколько брёвен, образуя аккуратно устроенную полость. Снаружи всё выглядело как обычное основание повозки, но внутри брёвен находились продольные пустоты, тщательно обработанные и закрытые с торцов. Их внутренние поверхности были выстланы мягким материалом, который защищал содержимое от ударов и не позволял ему перемещаться во время дороги. Внутри лежали длинные тканевые мешочки. Каждый был плотно обёрнут несколькими слоями материи и перевязан шнуром. По форме они напоминали небольшие колбасы, вытянутые и слегка изогнутые, чтобы точно соответствовать внутреннему пространству брёвен.

Торговец достал первый мешочек. Ткань слегка оттянулась под тяжестью содержимого. Когда он положил его на настил, внутри раздался приглушённый металлический звон. Затем второй. Третий.

— Осторожнее… — тихо предупредил мужчина, лежавший под телегой. — Не ударяй их друг о друга.

— Я знаю.

Он развязал край одного мешочка, развернул ткань и на мгновение посмотрел внутрь. Золото. Множество монет, аккуратно уложенных одна к другой. Это были не редкие памятные монеты, не изделия с именами правителей или особенными знаками. Обычное золото, предназначенное для обращения. Такие монеты принимали торговцы, менялы, владельцы лавок и даже некоторые чиновники, если речь шла о законных платежах. И именно в этом заключалась их ценность. У монет не было заметных особенностей, которые могли бы связать их с определённым владельцем. Они не являлись частью дворцовой казны или известного государственного хранилища. Их можно было использовать для самых разных расчётов, а отследить путь отдельной монеты после нескольких обменов было практически невозможно. Разумеется, крупные суммы всё равно привлекали внимание. Но если требовалось подкупить посредника, оплатить услуги неизвестного человека или обеспечить молчание кого-нибудь, кому не следовало задавать вопросы, подобное золото подходило гораздо лучше официальных векселей и банковских документов.

— Сколько здесь? — спросил торговец, осторожно перекладывая мешочки.

— Всё, что должно быть.

— Это не ответ.

— Столько, сколько приказали доставить.

Торговец недовольно посмотрел на него, но спорить не стал. Мешочки один за другим переносили в дом. Пока одни работали с тайником в днище, другие занялись бочками. На первый взгляд они действительно содержали вино, масло и прочие товары. Однако далеко не всё пространство внутри использовалось по назначению. Одна из бочек была наполнена настоящим маслом почти до самого верха. В другой находилось вино. Третья содержала обычный товарный груз, предназначенный для продажи.

Но в некоторых бочках, под слоем обычного содержимого, находились специальные полости. Именно там хранились свёртки, которые торговцы теперь извлекали. Каждый свёрток был обёрнут плотной тканью, дополнительно закреплённой мягкими прокладками. Упаковка

не позволяла содержимому двигаться, соприкасаться с деревянными стенками или издавать металлический звук.

Торговец открыл одну бочку, осторожно убрал часть содержимого и достал первый свёрток. Затем второй. Третий. Работа шла быстро, но без суеты. Никто не бросал груз на землю, не стучал инструментами и не оставлял открытые бочки без присмотра. Каждый предмет переносили внутрь, а после извлечения свёртков содержимое возвращали на место. Когда последняя бочка была закрыта, её крышку тщательно закрепили. Со стороны она выглядела точно так же, как до начала работы. Повозки тоже постепенно приводили в прежнее состояние. Настил вернули на место, скрытые крепления установили обратно, а затем несколько раз проверили, насколько плотно всё зафиксировано. Один из торговцев провёл ладонью по поверхности пола.

— Ничего не заметно.

— И не должно быть заметно.

— А если кто-нибудь снова захочет проверить?

— Пусть проверяет. Что он найдёт? Доски, брёвна и товар.

Лысеющий мужчина посмотрел на него.

— Не забывай, что мы уже в столице. Здесь не стоит надеяться на удачу.

— Я не надеюсь на удачу.

— Вот и хорошо.

Он ещё раз осмотрел повозки, убедился, что на земле не осталось обрывков ткани, упаковочных материалов или следов от перемещённого груза, после чего распорядился убрать светильники. Теперь всё выглядело так, будто никто и не прикасался к телегам. В доме тем временем занимались совершенно другим грузом. На большом столе, освобождённом от обычной мебели, лежали многочисленные свёртки. Их раскрывали один за другим, снимая внешние слои ткани и мягких прокладок. Внутри находились металлические детали. Одни были крупными, другие совсем небольшими. Некоторые напоминали части человеческого тела, другие — элементы сложного механизма. Все они имели специальные соединения, выемки и выступы, позволявшие собрать из отдельных частей единое целое.

Торговцы действовали осторожно. Они раскладывали детали в определённом порядке, сверяясь с несколькими листами, на которых были нанесены изображения и отметки. Один из мужчин время от времени наклонялся над рисунком, сравнивая его с лежащей перед ним деталью.

— Эта часть должна быть выше.

— Нет, сначала крепление плеча.

— Посмотри на отметку.

— Вижу. Тогда подавай.

Работа продолжалась несколько часов. Постепенно на столе исчезали отдельные металлические элементы, а в центре помещения вырастала фигура. Сначала появились ноги, затем корпус, руки и голова. Это была статуя молодой девушки. Она изображала танцовщицу, исполняющую танец с веерами. Фигура была почти человеческого роста, с изящной осанкой и тонкими линиями тела. Одежда повторяла традиционный праздничный наряд. Длинные складки ткани ниспадали от пояса, рукава были широкими, а подол словно расходился в движении. Одна рука девушки была отведена назад, вторая поднята перед лицом и удерживала раскрытый веер. Голова была слегка повёрнута, подбородок чуть приподнят. Черты лица получились удивительно красивыми. Тонкий нос, мягкая линия губ, плавные очертания щёк и большие глаза, смотревшие куда-то поверх веера. Всё выглядело так, будто танцовщица застыла в середине движения. При взгляде на неё трудно было представить, что перед тобой металлическая конструкция, состоящая из множества отдельных деталей. Впрочем, если подойти ближе, можно было заметить особенности материала. В местах соединений, где детали ещё не были оконча-

тельно скрыты, просматривался необычный металл. Он был почти чёрным, с тонкими серебристыми прожилками, проходившими по поверхности словно застывшие молнии.

Торговцы тщательно закрывали подобные участки. Снаружи статую покрыли специальным составом, который придавал ей вид тёмной бронзы с мягким металлическим блеском. На открытых участках одежды и украшений использовали другие оттенки, чтобы фигура казалась более естественной. Лицо покрыли тонким слоем светлого материала, а губы и веки выделили едва заметными цветами. В результате статуя выглядела не как изделие кузнеца, а как дорогостоящая работа мастера, посвятившего годы созданию единственного произведения искусства.

— Неплохо… — произнёс один из мужчин, отступив на несколько шагов.

— Не неплохо, а прекрасно.

— Главное, чтобы покупатель был доволен.

— Он будет доволен.

Торговец, отвечавший за сборку, подошёл ближе и внимательно осмотрел соединения. Затем он проверил положение веера, наклон головы и расположение ног. Всё должно было выглядеть естественно. Лишь после этого он достал из небольшого футляра тонкий браслет. Он был изготовлен из того же необычного металла, что и внутренняя основа статуи. Тёмная поверхность серебрилась тонкими прожилками, а на внутренней стороне можно было заметить несколько небольших символов.

Мужчина надел браслет на собственное запястье. Затем поднял руку, повернул её немного в сторону и коснулся одного из элементов. Внутри браслета едва слышно щёлкнуло. Статуя шевельнулась. Движение было настолько неожиданным, что один из присутствующих невольно отступил. Сначала чуть повернулась голова танцовщицы. Затем её плечи плавно изменили положение, а рука с веером опустилась на несколько пальцев ниже. Одновременно корпус слегка повернулся, и одна нога изменила положение, словно девушка действительно собиралась продолжить танец. Всё произошло плавно, без скрипа и металлического шума. Статуя не просто сдвинулась с места. Она изменила позу так естественно, будто внутри находилось живое тело, способное двигаться по собственной воле.

Торговец несколько секунд наблюдал за результатом, после чего коснулся браслета ещё раз. Фигура вернулась в прежнее положение. Танцовщица снова застыла с веером перед лицом и одной рукой, изящно отведённой назад. Мужчина лишь удовлетворённо кивнул.

— Работает.

— А если покупатель захочет увидеть другие движения?

— Покажем.

— А если он спросит, как это устроено?

Торговец усмехнулся.

— Тогда скажем, что внутри находится редкий механизм, созданный мастерами из далёких земель. Он приводится в действие особым браслетом. Этого будет достаточно.

— А если захочет заглянуть внутрь?

— Не захочет. Такие вещи покупают ради красоты и редкости. Если человек способен заплатить за подобную статую, ему не обязательно знать, что находится под покрытием.

В этот момент дверь открылась. В помещение вошёл хозяин дома. Это был мужчина лет пятидесяти, одетый в дорогой, но сдержанный халат. Его лицо выглядело спокойным, хотя взгляд сразу же остановился на собранной статуе. Он не стал задавать лишних вопросов и некоторое время просто рассматривал фигуру.

— Значит, всё готово?

Торговец повернулся к нему.

— Почти, господин.

— Почему почти?

— Мы проверили основные движения. Осталось ещё раз осмотреть крепления и убедиться, что механизм не заедает при длительной работе.

Хозяин дома подошёл ближе. Он обошёл статую, внимательно посмотрел на лицо, затем на веер и положение рук.

— Красиво.

— Покупатель будет доволен.

— Надеюсь. Он не любит ждать.

— Мы тоже не хотим задерживать сделку.

Мужчина перевёл взгляд на браслет.

— А управление?

Торговец поднял руку.

— Вот оно.

Он продемонстрировал несколько движений. Танцовщица плавно повернула голову, изменила положение веера и чуть развернула корпус. Затем снова вернулась в исходную позу. Хозяин дома внимательно следил за каждым движением.

— И всё это управляется только браслетом?

— Да, господин. Он настроен именно на эту статую. Другой браслет не подойдёт.

— Хорошо.

Мужчина некоторое время молчал. Затем посмотрел на торговца и спросил:

— Покупатель должен подойти сегодня?

— По договорённости — да. Его представитель уже спрашивал о том, прибыл ли груз в город. Скорее всего, он появится в ближайшие часы.

— Ты уверен, что он не передумал?

— Если бы передумал, мы бы уже получили сообщение.

Хозяин дома кивнул.

— Тогда подготовьте всё. Статуя должна выглядеть безупречно. Ни царапин, ни следов сборки. И не забывайте, что мы продаём её как редкое изделие мастеров издалека.

— Разумеется.

— А самое главное…

Мужчина выдержал небольшую паузу.

— Никто посторонний не должен узнать, что именно вы привезли в этих повозках.

Торговец улыбнулся.

— Можете не сомневаться, господин.

Он ещё раз посмотрел на неподвижную танцовщицу.

Тонкий браслет в его руке тускло блеснул, отражая свет лампы.

— Товар готов. Покупатель получит именно то, за что заплатил.

Хозяин дома удовлетворённо кивнул. Он не стал задерживаться и вышел из помещения, оставив торговцев заканчивать последние приготовления. А во дворе за закрытыми воротами стояли обычные торговые телеги с бочками, тканями и тяжёлым деревянным днищем. Утром их снова могли осмотреть стражники, а затем они могли спокойно отправиться к другому складу или лавке. Никто из тех, кто пропускал их через городские ворота, даже не подозревал, что внутри брёвен было спрятано золото, а под слоями обычного груза доставили детали механической статуи.

В столице продолжали готовиться к юбилею вдовствующей Императрицы. На улицах устанавливали фонари, в дворцовых павильонах развешивали дорогие ткани, а на рынках появлялось всё больше приезжих. Город ждал большого праздника. И среди десятков тысяч людей, прибывших в Даюн ради торговли, службы, развлечений или надежды на удачу, уже находились те, кто собирался воспользоваться этим шумом для собственных целей.

Пока же их необычная танцовщица стояла неподвижно в освещённой комнате, похожая на произведение искусства, которое могло бы украсить покои самого богатого вельможи. Лишь тонкий браслет на руке торговца напоминал о том, что это была не просто статуя.

Покупатель

Прошло ещё некоторое время, прежде чем у ворот дома раздался стук. Он был негромким, но настойчивым. Три коротких удара… небольшая пауза… ещё два… Человек, находившийся за воротами, явно не собирался стоять там долго, ожидая, пока кто-нибудь соизволит обратить на него внимание. Один из слуг, дежуривших во внутреннем дворе, выглянул из бокового прохода и поспешил к воротам. Прежде чем открыть смотровое окошко, он прислушался, затем осторожно посмотрел наружу.

За воротами стояла небольшая группа людей. Первым привлёк внимание мужчина средних лет, одетый в добротный, но лишённый каких-либо особых украшений халат. Его одежда напоминала наряд приказчика из состоятельного торгового или даже какого-то благородного дома. Ничего излишне дорогого, однако ткань была хорошего качества, пояс украшен небольшой металлической пряжкой, а на ногах красовались добротные сапоги. Лицо мужчины выражало такое недовольство окружающим миром, словно он с самого утра успел поссориться с десятком людей и теперь искал одиннадцатого, чтобы окончательно испортить себе настроение.

За его спиной стояли двое слуг. Один держал небольшой дорожный ларец, другой — свёрнутую ткань и несколько принадлежностей, которые могли понадобиться при перевозке покупки. Чуть поодаль расположились четверо вооружённых стражников. Их одежда была достаточно скромной, но на нагрудных застёжках и поясах отчётливо виднелись гербы. Это были знаки княжеского рода семьи Сун.

Слуга сразу стал заметно почтительнее.

— Кого вы желаете видеть?

— Кого же ещё? — раздражённо ответил приказчик. — Хозяина этого дома. Передай ему, что прибыли по договорённости.

— Прошу немного подождать.

— Я уже жду.

Мужчина произнёс это с таким выражением лица, будто ему только что предложили провести остаток жизни у ворот. Слуга поспешил скрыться внутри и вскоре вернулся вместе с хозяином дома. Тот появился не один. Рядом с ним шёл ещё один слуга, а сам хозяин был одет в чистый халат с аккуратно подобранным поясом. Увидев прибывших, он сложил ладони перед собой и почтительно поклонился.

— Рад приветствовать уважаемого гостя. Простите, что заставили вас ждать.

— Ждать? — приказчик поморщился. — Я ещё даже не успел войти, а у вас здесь уже чем-то воняет!

Он демонстративно втянул воздух носом, после чего оглядел двор.

— И что это у вас под ногами валяется? Вы вообще следите за своим домом? Неужели нельзя убрать всё как следует? Я ещё на улице заметил, что возле ворот какая-то грязь. А здесь…

Он не закончил фразу, выразительно посмотрев на несколько деревянных ящиков, которые слуги ещё не успели убрать к стене.

Хозяин дома не стал спорить.

— Приношу извинения. Сегодня было несколько поставок, и слуги ещё не закончили уборку. Прошу вас не обращать на это внимания. Мы подготовили отдельную комнату, где вы сможете спокойно осмотреть товар.

— Надеюсь, хоть там у вас не так отвратительно.

— Разумеется, господин. Прошу за мной.

Приказчик недовольно фыркнул и двинулся следом. Четверо стражников остались возле ворот, двое слуг последовали за хозяином и гостем. Один из них нёс ларец, другой старательно придерживал свёрток, стараясь не задевать им стены и дверные косяки. Сам приказчик продолжал ворчать по дороге. Ему не нравилось, что проход оказался слишком узким, что в коридоре пахло деревом, что на полу виднелись следы недавней уборки и что хозяин дома шёл недостаточно быстро.

— У вас здесь всегда так? — спросил он, когда они проходили мимо внутреннего двора.

— К сожалению, сегодня немного больше работы, чем обычно.

— Работа, работа… Все только и умеют говорить о работе. А сделать нормально ничего не могут.

Хозяин лишь слегка склонил голову.

— Постараемся исправить недостатки.

Приказчик ничего не ответил. Наконец они подошли к нужной комнате. Здесь всё было подготовлено заранее. На полу лежал чистый ковёр, вдоль стен стояли несколько небольших столиков, а в центре помещения находилась та самая статуя танцовщицы. Её поверхность тщательно протёрли, убрали остатки упаковочного материала и ещё раз проверили положение всех деталей.

Неподалёку на отдельном столике лежал футляр с браслетом. Торговец, отвечавший за сборку, уже находился в комнате. Увидев гостя, он поднялся и приветственно сложил ладони.

— Добро пожаловать, господин.

— Покажите товар… — Зло отрезал приказчик.

— Разумеется.

Торговец сделал шаг в сторону. Приказчик посмотрел на статую. И на мгновение его лицо изменилось. Взгляд задержался на фигуре танцовщицы, на изящном повороте головы, на поднятой руке с веером, на складках одежды. Он словно забыл о своём недовольстве и даже сделал небольшой шаг вперёд. Статуя действительно производила впечатление. При таком освещении она казалась почти живой. Мягкие тени подчёркивали линии лица, а металлическая поверхность одежды имела благородный блеск. Тёмный оттенок основы был скрыт покрытием, поэтому никто, не знавший настоящего происхождения изделия, не мог бы с первого взгляда определить, из какого материала оно изготовлено.

Приказчик медленно обошёл застывшую в движении танца фигуру. Сначала посмотрел на лицо, затем на веер, после чего наклонился, чтобы рассмотреть украшения на поясе. Он остановился возле одной из рук и внимательно изучил тонкие пальцы статуи, удерживавшие рукоять веера.

Его губы едва заметно дрогнули. Похоже, ему очень хотелось улыбнуться. Но мужчина быстро вспомнил, зачем пришёл, и тут же вернул себе прежнее кислое выражение лица.

— Хм.

Он ещё раз обошёл статую.

— И это всё?

Торговец спокойно посмотрел на него.

— Именно этот товар вы просили подготовить.

— Я ожидал чего-то более впечатляющего.

— Тогда, вероятно, вы представляли себе другое изделие.

— Не надо мне указывать, что я представлял себе. Я знаю, за что плачу.

Приказчик снова остановился перед статуей и демонстративно прищурился.

— Лицо слишком неподвижное. Руки выглядят неестественно. И вообще, я ожидал, что она будет больше.

Торговец не стал отвечать. Он лишь подошёл к столику, взял браслет и повернулся к гостю.

— Позвольте показать вам одну особенность изделия.

— Что ещё?

— То, ради чего его и заказывали.

Торговец надел браслет на запястье, коснулся нескольких участков его поверхности и чуть повернул руку. Статуя тут же ожила. Сначала медленно повернулась голова танцовщицы. Затем её поднятая рука немного изменила положение, веер опустился, открывая лицо, а корпус плавно развернулся в сторону. Подол одежды слегка изменил положение, одна нога сдвинулась, словно девушка переносила вес тела перед следующим танцевальным шагом. Движения были настолько плавными, что создавалось впечатление, будто статуя действительно исполняет танец. Приказчик замер. Его глаза чуть расширились, а на лице на мгновение появилось выражение неподдельного восторга. Но он почти сразу отвернулся.

— Хм. Это ещё ничего не доказывает.

Торговец едва заметно улыбнулся.

— Разумеется.

Он повторил движение, затем снова вернул статую в первоначальную позу.

— Механизм управляется специальным браслетом. Покупатель сможет изменять положение фигуры в пределах предусмотренных движений. Мы уже проверили основные положения и убедились, что соединения работают исправно.

— А если сломается?

— Изделие проверено. При правильном обращении никаких проблем возникнуть не должно.

— Должно, значит? — приказчик скривился. — Не слишком уверенно звучит.

— Я говорю о том, что проверено. Обещать невозможное не собираюсь.

Мужчина недовольно хмыкнул и снова подошёл к статуе. Теперь он уже не скрывал своего интереса. Ещё некоторое время рассматривал фигуру, задерживая взгляд на отдельных деталях, а затем вернулся к торговцу.

— Слишком дорого.

— Цена была согласована заранее.

— Я не говорил, что согласен с ней окончательно.

— Мы обсуждали стоимость до того, как изделие было доставлено и собрано. Вы подтвердили условия и прислали представителя для получения товара.

— Но ведь можно немного уступить.

Торговец спокойно покачал головой.

— Нет.

Приказчик посмотрел на него с явным раздражением.

— Ты даже не собираешься торговаться?

— Нет.

— Почему?

— Потому что мы уже договорились. Если цена вас не устраивает, товар останется у нас.

— Ты понимаешь, кому отказываешь?

— Разумеется, господин. Именно поэтому я и не хочу тратить ваше время на бессмысленный торг.

Приказчик сжал челюсти. Торговец продолжил тем же ровным голосом:

— Найдутся и другие покупатели, которые заплатят оговорённую сумму, не задавая лишних вопросов. Мы не собираемся отдавать изделие дешевле только потому, что кому-то захотелось получить дополнительную скидку в последний момент.

На несколько мгновений в комнате воцарилась тишина. Хозяин дома, стоявший чуть поодаль, не вмешивался. Он прекрасно понимал, что сейчас лучше не пытаться сгладить разговор. Любое вмешательство могло дать приказчику повод продолжить торг.

Тот ещё раз посмотрел на статую. Затем перевёл взгляд на торговца.

— Пять тысяч лянов серебра…

— Именно.

— За эту вещь?

— За неё.

Приказчик шумно выдохнул через нос. Видимо, он надеялся, что продавец хотя бы немного уступит, но быстро понял, что продолжать бесполезно. Статуя ему нравилась. Причём настолько, что он уже не хотел уходить без покупки.

— Принесите векселя… — бросил он слугам.

Один из них сразу же подал небольшой ларец. Приказчик открыл его и достал несколько документов, аккуратно сложенных в плотную обёртку. Он положил их на стол перед торговцем.

— Проверяй.

Торговец не спешил. Он взял документы, внимательно осмотрел печати, подписи и отметки, затем сверил указанные суммы. После этого поднял один из векселей к свету, проверяя качество бумаги и нанесённые знаки. Он не был чиновником казначейства, но достаточно хорошо разбирался в подобных документах, чтобы отличить подлинную бумагу от грубой подделки. Проверка заняла несколько минут. Наконец он удовлетворённо кивнул.

— Всё в порядке.

— Тогда забирайте свою статую.

— Благодарю за покупку.

— Не надо благодарить. Просто проследи, чтобы её доставили в целости.

Приказчик повернулся к своим слугам.

— Ну чего стоите? Забирайте.

Двое мужчин поспешили к фигуре. Они заранее принесли плотную ткань, несколько мягких покрывал и длинные полосы материи. Сначала осторожно закрыли голову танцовщицы, затем веер и руки. После этого укутали корпус, закрепили ткань вокруг талии и ног, стараясь не допустить, чтобы при переноске отдельные элементы ударялись друг о друга. Вскоре от красивой танцовщицы осталась лишь высокая фигура, полностью скрытая под несколькими слоями ткани. Это было сделано не только для защиты изделия. В столице сейчас находилось слишком много любопытных людей. Никто не должен был увидеть, что именно выносят из этого дома. Особенно если речь шла о вещи, которая могла привлечь внимание не тех, кому следовало.

— Осторожнее с веером… — предупредил торговец. — Он не предназначен для того, чтобы за него поднимать всю конструкцию.

— Мы не идиоты… — раздражённо ответил приказчик.

Слуги подняли статую и понесли её к выходу. Приказчик задержался возле стола, забрал оставшиеся документы и ещё раз бросил взгляд на торговца.

— Надеюсь, больше у нас не возникнет необходимости встречаться.

— Как пожелаете, господин.

— И чтобы никаких разговоров о сегодняшней сделке.

— Мы всегда соблюдаем тайну договорённости.

Мужчина фыркнул и вышел. Хозяин дома проводил его до внутреннего двора. Четверо стражников уже ожидали возле ворот, а слуги осторожно разместили статую на подготовленной повозке. Её закрепили так, чтобы она не смещалась при движении, а сверху накрыли плотным полотнищем. Когда покупатели покинули дом, ворота закрыли. Лишь после этого торговец позволил себе улыбнуться.

Он ещё раз посмотрел на проверенные векселя, затем аккуратно убрал их в футляр.

— Пять тысяч… — негромко произнёс он.

— Хорошая сделка? — спросил вернувшийся хозяин.

— Вполне.

— Покупатель выглядел довольным.

— Он и есть доволен. Просто слишком любит изображать человека, которому все вокруг что-то должны.

Хозяин усмехнулся.

— Главное, что товар забрали.

— И заплатили полностью.

Торговец спрятал футляр и посмотрел на закрытую дверь. Его совершенно не волновало, что именно покупатель собирался делать со статуей. Он не испытывал ни особого интереса к искусству, ни желания знать, где окажется изделие через несколько дней. Важнее было другое. Статуя выполнила свою роль. И человек, заплативший за неё пять тысяч лянов серебра, даже не подозревал, что приобрёл не просто металлическую фигуру танцовщицы.

Когда хозяин вернулся в комнату, торговец уже распорядился убрать упаковку и привести помещение в порядок. Они некоторое время молчали, ожидая, пока слуги закончат работу. Затем хозяин дома подошёл ближе и негромко спросил:

— Теперь можно поговорить?

— Конечно.

— Векселя подлинные?

— Да. Я проверил. Никаких проблем.

— Хорошо. Тогда перейдём к другим делам.

Торговец откинулся на спинку стула.

— Что именно тебя интересует?

— Завтрашняя поставка. Ты говорил, что должны прибыть ещё несколько повозок.

— Не только повозки. Будут люди, которые знают, где разместить груз и как провести его через город.

— Что именно привезут?

— Ткани, металл, несколько ящиков с украшениями. Возможно, ещё немного золота. Но это зависит от того, насколько спокойно пройдёт дорога.

Хозяин дома нахмурился.

— Нам нужно заранее определить, куда всё это отправлять. В последнее время слишком много людей приезжает в столицу, и свободных складов почти не осталось.

— Я знаю.

— Тогда не стоит привозить товар, который мы не сможем быстро разместить.

Торговец задумчиво постучал пальцами по столу.

— Часть можно продать через торговые дома, часть оставить здесь. Но сначала нужно найти покупателей, которые не станут задавать лишних вопросов.

— Таких людей в столице достаточно.

— Достаточно, пока речь идёт об обычных товарах. С некоторыми вещами придётся быть осторожнее.

— Например?

— Например, с тем, что может привлечь внимание чиновников или людей из императорского дворца.

Хозяин дома кивнул. Они ещё некоторое время обсуждали поставки, склады, торговые связи и способы распределения товара. Разговор выглядел вполне обычным для людей, занимавшихся контрабандой. В нём упоминались суммы, сроки, посредники и места, где можно было безопасно оставить груз до дальнейшей продажи. Но постепенно тема изменилась. Торговец перестал улыбаться. Он подался вперёд и посмотрел на хозяина дома.

— Мне нужно кое-что узнать.

— Что именно?

— Ты слышал о молодом дворянине, который недавно появился в столице?

Хозяин дома некоторое время молчал.

— О ком именно?

— О том самом чужаке, который получил титул от Императора. Ченнань-хоу.

При упоминании этого имени хозяин слегка нахмурился.

— О нём сейчас говорят многие.

— Вот именно. Поэтому я и спрашиваю.

— Что тебя интересует?

Торговец сцепил пальцы.

— Всё, что касается этого человека. Где он живёт, кто его посещает, с кем общается, какие у него привычки, когда он покидает резиденцию и куда обычно направляется.

— Довольно широкий список.

— Мне нужен не просто список. Мне нужно понимать, с кем мы имеем дело.

Хозяин дома некоторое время рассматривал собеседника.

— Ты ведь знаешь, что этот молодой хоу находится под покровительством императорской семьи?

— Знаю.

— И понимаешь, что за ним следят люди старшего цензора?

— Знаю и это.

— Тогда зачем ты спрашиваешь меня?

Торговец медленно выдохнул.

— Потому что мне поручено избавиться от него.

Слова прозвучали тихо, почти буднично. Но хозяин дома сразу перестал двигаться.

— Что?

— Ты всё правильно услышал.

— От Ченнань-хоу?

— Да.

Хозяин дома посмотрел на него так, словно впервые увидел.

— Ты понимаешь, о ком говоришь? Это не какой-нибудь провинциальный чиновник, которого можно напугать несколькими людьми. Он получил титул от самого государя. Его имя уже связано с борьбой против скверны, а императорский двор оказывает ему особое внимание.

— Я не собираюсь спорить с тобой о его положении.

— Тогда, может быть, стоит объяснить, почему ты вообще решил ввязаться в такое дело?

Торговец слегка прищурился.

— У меня есть приказ.

— Приказ от кого?

— Тебе лучше не знать.

Хозяин дома недовольно поджал губы.

— Я должен помогать тебе, не понимая, насколько опасным может оказаться это дело?

— Ты уже помогаешь. И получаешь за это деньги.

— Деньги не всегда спасают от неприятностей.

— А иногда позволяют их пережить.

Торговец произнёс это совершенно спокойно. Затем достал из внутреннего кармана небольшой свёрток и положил на стол. Хозяин не стал его открывать. Он и так знал, что внутри.

— Мне нужны сведения… — продолжил торговец. — Особенно о том, где этот человек бывает один. И когда его можно застать вне собственной резиденции.

— Он не так давно появился в столице. Многое о нём ещё неизвестно.

— Поэтому и спрашиваю.

— Ты понимаешь, что его охраняют?

— Охраняют. Но даже самые осторожные люди иногда выходят из дома.

Хозяин дома задумался. Он не выглядел человеком, который испытывает особую симпатию к А-рэ. Более того, само присутствие молодого чужака при дворе могло создавать определённые сложности для людей, занимающихся тайными делами. Его разработки оружия, богатство и близость к Императору делали его слишком заметной фигурой. Но одно дело — знать о человеке, другое — участвовать в его устранении.

— Есть ещё кое-что… — Немного подумав, произнёс хозяин.

— Говори.

— Примерно через две недели после праздника в честь дня рождения вдовствующей Императрицы должна состояться свадьба.

Торговец поднял глаза.

— Какая свадьба?

— Ченнань-хоу собирается жениться на внучке старого гуна Вана. Единственной внучке, если точнее. Ван Юэ.

Торговец слегка откинулся назад.

— Вот как.

— Да. Об этом уже говорит вся столица. Сватовство состоялось, дары доставлены, императорский двор прислал собственные подарки. Говорят, вдовствующая Императрица лично преподнесла невесте корону феникса.

— Значит, брак одобрен на самом высоком уровне.

— Именно. И если он состоится, положение Ченнань-хоу станет ещё прочнее. За него начнут заступаться не только люди Императора, но и представители рода Ван.

— Это осложнит задачу.

— Я именно об этом и говорю. Сейчас он чужак, пусть и обласканный государем. Но после свадьбы его интересы будут связаны ещё с одним влиятельным домом. А старый гун Ван не из тех, кто позволит обижать собственных родственников.

Торговец несколько секунд молчал. Затем медленно улыбнулся.

— Ты только что сообщил мне весьма полезную вещь.

— Не понимаю, что именно ты имеешь в виду.

— Свадьба.

— Что свадьба?

— Именно во время свадьбы нам будет проще всего избавиться от него.

Хозяин дома нахмурился.

— Почему?

— Потому что он будет должен покинуть свою резиденцию.

Торговец произнёс это с такой уверенностью, словно уже видел перед собой всю последовательность событий.

— По обычаю жених отправляется за невестой в её дом. Он должен прибыть туда, принять невесту, посадить её в паланкин, а затем лично сопровождать до собственной резиденции. Так?

— Да, насколько мне известно.

— Значит, он будет двигаться по заранее определённому маршруту.

Хозяин дома медленно кивнул.

— Скорее всего, да. Хотя маршрут могут изменить ради безопасности.

— Но не полностью. Люди не любят менять обычаи, особенно во время подобных церемоний. Кроме того, жених должен появиться перед родственниками, слугами и гостями. Он не сможет просто исчезнуть из процессии.

Торговец задумчиво посмотрел на хозяина.

— У нас будет возможность перехватить его либо по дороге к дому невесты, либо на обратном пути.

— Ты говоришь так, будто это простое дело.

— Я не говорил, что оно простое. Я сказал, что оно возможно.

Он ненадолго замолчал, затем добавил:

— И у нас уже есть подходящее оружие.

— Какое?

Торговец чуть наклонился вперёд.

— Арбалет.

Хозяин дома приподнял брови.

— Ты сумел достать арбалет?

— Да.

— Откуда?

— Неважно. Главное, что он у нас есть.

— Но ты умеешь им пользоваться?

— Научились.

Хозяин дома посмотрел на него с сомнением.

— Арбалет — не игрушка. Если ты никогда не держал его в руках, это ещё не значит, что сможешь попасть в человека.

— Мы уже проверили его.

— На чём?

— На мишенях.

— И?

— Стреляет достаточно точно на нужном расстоянии.

Торговец говорил спокойно, но в его голосе появилась особая уверенность.

— Нам не требуется вступать в бой с охраной. Не нужно пытаться пробиться через десятки стражников. Нужно лишь дождаться момента, когда он окажется на открытом участке дороги, и воспользоваться возможностью.

Хозяин дома задумчиво потёр подбородок.

— А если его будут сопровождать люди рода Ван?

— Тогда придётся выбрать другой момент.

— А если рядом окажутся императорские стражники?

— Поэтому я и хочу получить сведения заранее.

Торговец не стал раскрывать больше подробностей. Он лишь слегка постучал пальцами по столу.

— У нас ещё есть время. Сначала праздник. Затем свадьба. Между ними достаточно дней, чтобы всё подготовить.

— И что ты собираешься делать после?

— После?

— После того, как он исчезнет. Ты понимаешь, что императорский двор не оставит это без внимания?

Торговец посмотрел на него с почти ленивым выражением лица.

— Разумеется. Но это уже не наша забота.

— Ты слишком легко об этом говоришь.

— Потому что не собираюсь оставаться в столице после выполнения задания.

Хозяин дома ничего не ответил. Торговец же, словно решив, что разговор на эту тему закончен, откинулся на спинку стула.

— Кстати, нам нужно будет обсудить ещё один вопрос. Когда появится следующая партия товара, часть её придётся продать быстрее. Нельзя, чтобы всё продолжало лежать в одном месте.

— Я займусь этим.

— И не забывай про людей, которые должны получить деньги.

— Помню.

— Хорошо.

Они снова вернулись к обычным делам. Разговор продолжался ещё долго. Обсуждали торговые связи, склады, посредников, распределение денег и способы доставки следующих партий.

Несколько раз хозяин дома возвращался к вопросу о Ченнань-хоу, пытаясь понять, насколько далеко торговец готов зайти ради выполнения поручения. Но тот отвечал уклончиво. Он не собирался посвящать хозяина во все детали и, судя по всему, уже считал, что главное решение принято.

Но даже вместе они так и не заметили того, что в это время поблизости находился ещё один слушатель. Он не сидел за столом, не прятался за ширмой и не находился в соседней комнате. Маленькая, щуплая фигурка лежала на крыше, почти слившись с тенью возле выступающего края кровли. Человек был настолько худощавым, что его легко можно было принять за подростка. Одежда тёмного цвета не имела заметных украшений, а на руках были тонкие перчатки. Он лежал неподвижно, осторожно распределив вес тела, чтобы не скрипели деревянные элементы крыши.

Всё это время он наблюдал. Сначала за тем, как во двор въехали торговые повозки. Затем за тем, как ночью из них извлекали скрытый груз. Он видел, как люди переносили в дом тяжёлые свёртки, как собирали металлическую статую, как пришёл покупатель со стражниками семьи Сун и как после сделки из дома вынесли укутанную фигуру. Но самое важное он услышал сейчас. Слова о Ченнань-хоу. Сначала он не придал им особого значения. В столице постоянно говорили о молодом хоу, особенно после того, как тот получил титул и стал готовиться к свадьбе с внучкой старого гуна Ван. Но затем прозвучали слова о приказе избавиться от него. И маленький наблюдатель перестал даже едва заметно двигаться. Он слушал каждое слово. Оружие… Арбалет... Свадебная процессия… Путь от резиденции семьи Ван до дома Ченнань-хоу… План перехвата…

Всё это было куда важнее разговоров о контрабандных товарах. Наблюдатель не мог видеть лиц собеседников постоянно, поскольку находился выше и дальше, но по голосам уже научился различать, кто именно говорил. Один человек был хозяином дома, второй — прибывшим торговцем, который, судя по всему, имел достаточно полномочий, чтобы распоряжаться чужими жизнями.

Когда разговор наконец завершился, оба мужчины поднялись. Торговец ещё раз осмотрел комнату, затем направился к выходу. Хозяин проводил его до внутренних покоев, после чего вернулся и распорядился проверить ворота.

Ночь постепенно вступала в свои права. Во дворе погасили большую часть светильников. Слуги разошлись по комнатам, а несколько человек, оставшихся дежурить, устроились возле бокового прохода. Наблюдатель не торопился. Он ждал. Прошло немало времени, прежде чем в доме окончательно стихли голоса. Один за другим погасли огни, перестали слышаться шаги, а из комнат больше не доносилось ни разговоров, ни звуков передвигаемой мебели.

Только тогда маленькая фигурка осторожно приподнялась. Человек медленно переместился к краю крыши, заглянул во двор и убедился, что внизу никого нет. Затем опустился на живот, нашёл удобную опору и бесшумно соскользнул вниз.

Он приземлился возле стены, слегка согнув ноги, чтобы смягчить удар. Несколько мгновений прислушивался. Тишина. Затем наблюдатель быстро пересёк двор, добрался до внутренней стены и осторожно поднялся по ней. Достигнув верхнего края, он задержался, ещё раз посмотрел в сторону спящих помещений, после чего перебрался на другую сторону. За стеной начинался узкий переулок. Там было темно. Лишь вдалеке, на пересечении двух улиц, горел одинокий фонарь, освещавший часть мостовой и закрытые ставни небольшой лавки.

Маленькая фигурка опустилась на землю, поправила одежду и на несколько секунд замерла, прислушиваясь к ночному городу. Где-то далеко проехала повозка. На соседней улице кто-то негромко разговаривал. Наблюдатель скользнул вдоль стены, свернул за угол и исчез в темноте. Он не собирался возвращаться тем же путём, которым пришёл. И уж тем более не собирался задерживаться возле дома, где только что услышал достаточно, чтобы понять. В столице готовится нечто гораздо более опасное, чем обычная контрабанда. Впереди был юбилей вдовствующей Императрицы. А после него — свадьба Ченнань-хоу. И теперь у маленького ночного гостя появилась причина поспешить…

……

В этот день приказчик Лун возвращался в княжескую резиденцию далеко не с пустыми руками. Две повозки, сопровождавшие его от дома торговца, двигались по улицам столицы неспешно, стараясь не привлекать лишнего внимания. На первой находилась сама статуя, укрытая несколькими слоями плотной ткани и дополнительно закреплённая верёвками, чтобы дорогой груз не сместился на ухабах. На второй везли пустые деревянные ящики, мягкие прокладки и прочие принадлежности, которые могли понадобиться при переноске и установке необычного приобретения.

Сам приказчик ехал верхом рядом с первой повозкой. Он то и дело бросал взгляд на укрытый груз, словно опасался, что кто-нибудь из случайных прохожих сумеет разглядеть сквозь ткань очертания фигуры. Ещё недавно он находился в чужом доме, где приходилось торговаться с человеком, совершенно не желавшим уступать ни одного ляна. Теперь же сделка была завершена, а в его поясном кошеле лежал вексель на тысячу лянов серебра. При одной мысли об этой сумме настроение приказчика заметно улучшалось.

Он был достаточно опытен, чтобы понимать, что тысяча лянов — деньги, которые простому служащему княжеского дома за всю жизнь накопить непросто. Разумеется, в его положении имелись некоторые преимущества. Он распоряжался закупками, общался с торговцами, знал, какие товары требуются господам, а какие можно приобрести дешевле, не вызывая подозрений. Однако всё это приносило лишь небольшие побочные доходы. Приходилось быть осторожным, делиться с нужными людьми и не забывать, что любой старший слуга мог в один прекрасный день заинтересоваться его расходами.

А теперь у него появился вексель, который можно было предъявить в банке, обменять на серебро или оставить до более удобного случая. И ведь он не украл эти деньги у господина. По крайней мере, так приказчик объяснял себе всё случившееся.

Старый князь поручил ему найти достойный подарок для вдовствующей императрицы. Он нашёл. Господин согласился заплатить шесть тысяч лянов. Продавец получил пять тысяч. Разницу приказчик оставил себе в качестве вознаграждения за хлопоты, которые, как он полагал, были немалыми. Разве не он нашёл нужного торговца? Разве не он осмотрел товар, договорился о встрече, проверил, чтобы всё доставили в целости? А главное, разве не он сумел убедить господина, что подобное приобретение способно произвести впечатление на саму вдовствующую императрицу?

Конечно, торговец оказался упрямым. Приказчик надеялся, что удастся выторговать ещё несколько сотен лянов, но тот даже слушать не пожелал. Назвал цену и заявил, что если покупатель не согласен, то найдутся другие желающие. Приказчику пришлось отступить. Впрочем, и тысяча лянов была весьма неплохим результатом.

Он уже представлял, как однажды сможет распорядиться этими деньгами. Может быть, приобретёт небольшой дом в хорошем районе, сдаст его в аренду и будет получать доход. Или вложит серебро в торговлю, найдёт надёжного посредника и начнёт постепенно увеличивать капитал. А если накопит достаточно, то, возможно, сумеет купить себе должность в одном из министерств. Не самую высокую, конечно, но такую, которая позволит больше не кланяться каждому встречному дворянину.

Впрочем, мысль о титуле была ещё приятнее. Почему бы и нет? В столице хватало людей, которые благодаря деньгам и связям получали положение, недоступное им по происхождению. Разумеется, для этого требовались гораздо большие суммы, но разве обязательно останавливаться на достигнутом? Приказчик поправил одежду, выпрямился в седле и посмотрел на приближавшиеся ворота княжеской резиденции. Ему уже хотелось поскорее закончить с доставкой, доложить о покупке и наконец отправиться отдыхать.

У ворот резиденции их встретили вооружённые стражники. Узнав приказчика, один из них отдал распоряжение открыть створки. Повозки пропустили внутрь, после чего ворота вновь закрылись, отрезав шумную улицу от просторного внутреннего двора.

Княжеская резиденция семьи Сун была достаточно велика, чтобы даже несколько прибывших повозок не создавали особых затруднений. Внутри располагались хозяйственные постройки, конюшни, склады, помещения для слуг и несколько жилых корпусов. Главный зал находился в глубине владений, за внутренним двором и небольшим садом, где даже в холодное время года поддерживали порядок.

Приказчик Лун спешился, передал поводья конюху и немедленно принялся распоряжаться переноской груза. Он не позволил слугам просто сдёрнуть ткань и схватиться за металлические детали, как те привыкли обращаться с обычной мебелью или декоративными изделиями.

— Осторожнее! Не дёргать! — прикрикнул он на двух молодых слуг, которые уже собирались взяться за выступающие части укрытой фигуры. — Это не бочка с зерном. Здесь каждая деталь стоит больше, чем вы за десять лет заработаете. Поддерживайте снизу. И не вздумайте опускать её на камень!

Он сам следил за тем, как статую снимают с повозки и переносят на подготовленную деревянную платформу. Внутри находились несколько крепких мужчин, которых приказчик заранее выбрал для этой работы. Они не знали, что именно везут, но понимали, что за повреждение груза отвечать придётся им. Двери главного зала распахнулись, и слуги осторожно внесли платформу внутрь.

Там уже находился глава семьи Сун. Старый князь сидел на возвышении, перед низким столиком, на котором стояла чашка давно остывшего чая. Его лицо было мрачным, а глубокие морщины вокруг рта казались особенно резкими. Рядом стояли два старших управляющих и несколько приближённых, которым в последние дни приходилось терпеть дурное настроение хозяина. Причина была достаточно серьёзной. Последние события в столице складывались для князя крайне неудачно. И именно приближавшийся юбилей вдовствующей Императрицы должен был стать прекрасной возможностью укрепить положение семьи, однако некоторые обстоятельства грозили превратить праздник в череду неприятностей. Несколько важных просьб, на которые князь рассчитывал получить положительный ответ, пока оставались без внимания. Один из его родственников оказался замешан в споре с другим влиятельным домом, а попытка договориться через знакомых чиновников закончилась неудачей.

Хуже всего было то, что сам князь не мог понять, насколько сильно изменилось отношение к нему при дворе. Ведь он привык считать себя человеком, чьё положение достаточно прочно. Семья Сун обладала старинным титулом, обширными владениями и связями, уходившими далеко за пределы столицы. Однако последние месяцы показывали, что прежние заслуги уже не гарантировали расположения императорского дома. Особенно раздражало его то, что вдовствующая Императрица могла многое изменить буквально одним словом. Формально она не вмешивалась в повседневное управление государством, не занимала официальной должности и не принимала участия в заседаниях ведомств. Но все, кто достаточно долго находился при дворе, прекрасно знали, что её мнение имело немалый вес. Император уважал мать, прислушивался к её советам и не спешил отвергать просьбы людей, которых она считала достойными внимания.

Именно поэтому старый князь не собирался упускать такую возможность. Он уже отправил несколько подарков, однако понимал, что среди них не было ничего по-настоящему выдающегося. Вдобавок на праздник должны были прибыть представители многочисленных знатных домов, каждый из которых постарается обратить на себя внимание Императорской семьи. Обычными драгоценностями или редкой парчой здесь было трудно удивить кого-либо. Именно поэтому появление приказчика с обещанным приобретением оказалось весьма кстати.

— Господин! — приказчик поспешно опустился на колени, как только слуги установили платформу перед возвышением. — Ваш покорный слуга исполнил поручение и доставил подарок, достойный самой вдовствующей Императрицы!

Князь поднял на него тяжёлый взгляд.

— Это и есть та самая вещь, о которой ты докладывал?

— Именно, господин! — приказчик низко склонил голову. — Позвольте вашему слуге представить её вашему взору.

Он сделал знак переносчикам. Те осторожно развязали верёвки, сняли верхний слой плотной ткани, затем второй. Наконец перед присутствующими открылась высокая фигура танцовщицы. На несколько мгновений в зале стало тихо. Даже старый князь, до этого выглядевший совершенно равнодушным, невольно подался вперёд. Статуя действительно была прекрасна.

Она изображала молодую женщину в танцевальной позе, словно застывшую посреди изящного движения. Одна нога была немного согнута, другая вытянута в сторону, а корпус слегка развёрнут. В одной руке танцовщица держала веер, прикрывавший часть лица, вторая была отведена назад, будто следующее движение должно было раскрыть совершенно иную фигуру танца.

Лицо почти полностью скрывал веер, но видимая часть была проработана с необыкновенной тщательностью. Линия подбородка, изгиб шеи, плавный переход плеча к руке — всё выглядело настолько естественно, что на первый взгляд можно было подумать, будто перед князем стоит не металлическая статуя, а настоящая женщина, замершая по воле искусного мастера.

Особенно впечатляли детали одежды. Тонкие складки ткани повторяли движение тела, рукава словно подхватывали невидимый поток воздуха. Украшения на поясе и головном уборе были выполнены с таким вниманием к мелочам, что даже при ближайшем рассмотрении не казались грубой имитацией. На поверхности металла не было заметно следов грубой обработки, а тщательно нанесённое покрытие придавало фигуре мягкий оттенок, напоминавший тёплую бронзу с едва заметным золотистым отливом. В свете ламп статуя выглядела почти живой.

— Неплохо… — произнёс старый князь.

Это было сказано негромко, но для присутствующих прозвучало почти как похвала.

Приказчик тут же поднял голову, заметив перемену в настроении господина.

— Ваше прозрение совершенно справедливо, господин! — поспешил он подхватить. — Ваш покорный слуга осмотрел множество изделий, прежде чем нашёл эту работу. Обычные мастера не способны создать ничего подобного. Даже если собрать лучших резчиков и литейщиков столицы, им потребуются годы, чтобы приблизиться к такому совершенству!

Князь медленно поднялся со своего места. Он подошёл ближе, остановившись перед статуей. Несколько мгновений рассматривал лицо, затем перевёл взгляд на руки, украшения и положение ног. Один из управляющих тоже приблизился, но старик слегка поднял ладонь, не позволяя ему заслонить фигуру.

— Кто изготовил?

Приказчик заранее приготовился к этому вопросу.

— Торговец не пожелал раскрывать имя мастера, господин. Он утверждал, что изделие было приобретено через посредников и что его происхождение известно лишь немногим. Я пытался расспросить подробнее, но он оказался человеком весьма скрытным.

— И ты заплатил ему столько, сколько я распорядился?

Приказчик почувствовал, как внутри неприятно кольнуло, однако лицо его осталось совершенно спокойным.

— Господин, цена была немалой. Торговец отказывался уступать, уверяя, что подобные изделия больше не появятся на рынке. Но ваш слуга не посмел отступить от поручения и в конце концов заключил сделку.

Князь посмотрел на него.

— Шесть тысяч лянов серебра?

— Да, господин.

Старик ещё раз осмотрел статую, после чего кивнул.

— Если качество действительно соответствует твоим словам, деньги потрачены не напрасно.

Приказчик низко склонился.

— Для вашего покорного слуги нет большей радости, чем видеть, что господин доволен.

Он произнёс это с такой искренностью, что один из старших управляющих едва заметно усмехнулся. Приказчик заметил усмешку, но сделал вид, что ничего не увидел. Князь тем временем продолжал рассматривать приобретение.

— Надо будет, после вручения, поставить её перед одним из боковых проходов главного праздничного зала… — распорядился он. — Нет, лучше ближе к месту, где будут размещены подарки знатных семей. Но не слишком близко к трону. Нужно согласовать положение с дворцовыми распорядителями.

— Будет исполнено, господин… — немедленно ответил управляющий.

— Поверхность не должна покрыться пылью. И никаких царапин. Если кто-нибудь из слуг повредит её, пусть отвечает собственной головой.

— Да, господин.

Старый князь уже собирался вернуться к своему месту, когда приказчик неожиданно снова заговорил:

— Господин, позвольте вашему слуге высказать одну просьбу.

Старик остановился.

— Какую ещё?

Приказчик вновь опустился на колени, хотя и без того стоял согнувшись.

— Прошу позволить мне лично сопровождать статую во дворец и проследить за её установкой.

Князь нахмурился.

— Зачем? Разве для этого недостаточно слуг?

— Господин, ваш слуга осмелится заметить, что подобное изделие требует особого обращения. Его положение должно быть выверено, основание установлено ровно, а крепления проверены. Если дворцовые служители по незнанию поставят статую неправильно, она может покоситься или упасть. Даже небольшое повреждение подобной вещи станет настоящей бедой.

Приказчик говорил осторожно, тщательно подбирая слова.

— Вы сами понимаете, господин, сколько людей будет находиться в праздничном зале. Там будут слуги, чиновники, дворцовые распорядители, сопровождающие знатных гостей. Кто-нибудь обязательно захочет передвинуть статую, чтобы освободить проход, или решит, что её следует поставить немного иначе. Если же она потеряет равновесие и упадёт на глазах у вдовствующей Императрицы…

Он не договорил. В этом не было необходимости. Старый князь нахмурился ещё сильнее, но теперь уже не от раздражения, а от мысли о возможных последствиях.

— Ты считаешь, что дворцовые служители не справятся с такой простой работой?

— Ваш слуга не смеет сомневаться в способностях дворцовых служителей, — быстро ответил приказчик. — Но они не знают этой статуи. Не знают, как её лучше переносить, где находится центр тяжести и какие части следует поддерживать. Я же лично принимал её у торговца и присутствовал при упаковке. Мне известно, как обращаться с этим изделием. Позвольте мне выполнить эту работу, чтобы нерадивость посторонних не испортила ваш подарок.

Князь задумался. Он привык считать подобное рвение признаком преданности. Приказчик не был важным человеком, не имел высокого положения и не обладал связями, которые могли бы принести семье Сун серьёзную пользу. Но он хорошо выполнял поручения, умел находить нужных торговцев и, что особенно важно, понимал, когда следовало говорить, а когда лучше молчать.

Теперь же, судя по всему, он действительно хотел лично проследить за подарком, который мог принести семье расположение вдовствующей императрицы. Старик не видел в этом ничего дурного. Напротив, ему было приятно, что хотя бы один из подчинённых проявляет инициативу, не ожидая, пока ему укажут каждое движение.

— Хорошо… — наконец произнёс старый князь Сун. — Ты отправишься вместе с подарком. Но не вздумай самовольно распоряжаться дворцовыми служителями. Прибудешь, предъявишь необходимые документы и будешь выполнять указания распорядителей.

— Ваш слуга будет следовать каждому распоряжению!

— И ещё. Если статуя действительно настолько ценна, как ты утверждаешь, я не желаю видеть рядом с ней толпу любопытных. Позаботься, чтобы до отправки никто не трогал её без необходимости.

— Будет исполнено!

Старый князь повернулся к управляющему:

— Выделить двух надёжных людей. Пусть дежурят возле статуи, пока она находится здесь. Никого не подпускать без моего разрешения. Особенно служанок, которые любят собираться вокруг всякой необычной вещи и трогать её руками.

— Слушаюсь, господин.

— И накройте её на ночь. Не нужно, чтобы пыль оседала на поверхности.

— Да.

Приказчик поспешно поклонился ещё раз. В душе он едва сдерживал довольную улыбку. Всё складывалось даже лучше, чем он рассчитывал. Старый князь не только не запретил ему сопровождать статую, но и фактически предоставил возможность самому оказаться в императорском дворце во время праздника. Если всё пройдёт так, как задумано, он сможет находиться рядом с главным залом и, возможно, даже увидеть вдовствующую императрицу вблизи. А самое главное — никто не станет отбирать у него право управлять статуей. Ведь он не собирался раскрывать хозяину секрет её движения. В доме торговца ему всё показали достаточно подробно. Сначала приказчик считал, что перед ним обычная дорогая скульптура, пусть и необыкновенно искусная. Но когда торговец достал металлический браслет, надел его на запястье и произвёл несколько движений, статуя внезапно ожила. Сначала едва заметно изменилось положение головы. Затем плавно повернулась кисть, веер скользнул в сторону, а корпус танцовщицы развернулся так естественно, словно внутри металлической фигуры находилось настоящее человеческое тело. Приказчик тогда даже отступил на шаг. Он никогда не видел ничего подобного.

Статуя двигалась не рывками, не так, как дёргаются заводные игрушки или механические куклы, которые иногда привозили иностранные торговцы. Её движения были плавными, последовательными и удивительно красивыми. Танцовщица словно действительно исполняла

сложный танец: поворачивалась, меняла положение рук, раскрывала веер, переносила вес тела с одной ноги на другую. Её движения складывались в непрерывную последовательность, причём каждое следующее естественно вытекало из предыдущего. Торговец объяснил, как пользоваться браслетом. Показал, какие движения необходимо выполнить, чтобы запустить танец, как остановить его и вернуть статую в исходное положение. Он также продемонстрировал, что танец может продолжаться довольно долго, не требуя постоянного вмешательства. Приказчик тогда понял, что перед ним не просто украшение. Это было настоящее сокровище.

Но ещё важнее оказалось другое. Сейчас он мог стать единственным человеком, который знает, как заставить его двигаться. И если он раскроет секрет старому князю, то потеряет это преимущество. Господин немедленно передаст браслет кому-нибудь из доверенных людей, а самого приказчика отправит обратно заниматься закупками и складскими ведомостями. Возможно, даже и не вспомнит о нём после окончания праздника. Нет, этого нельзя было допустить. Пусть князь считает, что перед ним всего лишь великолепная статуя. Пусть дворцовые служители устанавливают её под присмотром приказчика. А когда наступит подходящий момент, он сам запустит танец. Тогда все увидят, что подарок семьи Сун способен на нечто необыкновенное, а рядом окажется именно тот человек, который сумел доставить его и представить при дворе. Возможно, даже сама Императрица спросит его о том, кто отвечал за доставку статуи. Возможно, даже захочет узнать, где нашли такого мастера. И тогда приказчик сможет поклониться и скромно ответить, что лишь выполнял поручение своего господина. А если она пожелает наградить его лично… При этой мысли он едва не улыбнулся вслух.

Вот тогда всё и начнётся.

Пока же ему следовало быть осторожным. Старый князь уже успокоился и даже распорядился выделить охрану для статуи. Возле неё поставили двух крепких стражников, которые должны были сменять друг друга. Вскоре один из управляющих приказал принести дополнительную деревянную подставку и проверить, не шатается ли платформа. После этого статую накрыли лёгким покрывалом, оставив открытой лишь нижнюю часть, чтобы слуги могли убедиться, что она установлена устойчиво. Сама фигура так и осталась стоять в главном зале, словно танцовщица замерла посреди выступления, ожидая музыки, которая должна была прозвучать лишь через несколько дней.

Приказчик ещё некоторое время находился рядом, изображая беспокойство за сохранность драгоценного приобретения. Он лично проверил крепления, попросил стражников не прислонять к платформе оружие и даже отчитал одного из молодых слуг, который слишком близко поднёс масляную лампу.

— Вы вообще понимаете, что делаете? — прошипел он, отодвигая лампу. — Если масло попадёт на покрытие, кто будет отвечать? Вы? Ваш отец? Или я, потому что не сумел уследить за вами?

Слуга поспешно отступил.

— Простите, господин приказчик.

— Вот и следите за руками.

Приказчик удовлетворённо кивнул. Теперь всё выглядело достаточно надёжно. Когда он наконец покинул главный зал, старый князь уже успел вернуться к своим делам. Настроение хозяина заметно улучшилось. Он даже позволил себе выпить свежего чая и выслушать доклад одного из управляющих, не прерывая его раздражёнными замечаниями.

Время от времени князь поглядывал в сторону укрытой статуи, словно уже представлял, какое впечатление она произведёт во дворце. Он видел в ней возможность напомнить о семье Сун. Не просто очередной подарок, который затеряется среди сотен других, а нечто настолько изящное и редкое, что вдовствующая императрица обязательно обратит на него внимание. Если она будет довольна, то, возможно, вспомнит о князе во время беседы с сыном. А

если удастся получить хотя бы одно благосклонное слово, некоторые из нынешних трудностей можно будет решить гораздо легче.

Старый князь не питал иллюзий относительно того, насколько сложно добиться расположения императорского дома. Но он слишком долго жил при дворе, чтобы отказываться от возможностей, которые сами шли ему в руки. Тем временем приказчик наконец добрался до своих покоев. Они располагались в отдельном крыле, предназначенном для старших служащих. Комната была не слишком большой, но чистой и достаточно удобной. В ней имелись низкая кровать, шкаф, стол, сундук для одежды и небольшая жаровня, которую слуга успел наполнить углями ещё до возвращения хозяина.

Здесь приказчик снял верхнюю одежду, тщательно сложил её и только после этого достал из внутреннего кармана вексель. Он развернул бумагу на столе. На ней стояли печати, подписи и указание суммы. Тысяча лянов серебра. Он долго смотрел на документ, словно надеялся увидеть, как цифры увеличиваются сами собой.

— Хорошая сделка… — пробормотал он.

Затем снова свернул вексель, поместил его в небольшой деревянный футляр и спрятал в потайное отделение сундука. После этого несколько раз проверил, хорошо ли закрыта крышка. Лишь тогда он позволил себе расслабиться. Усталость, накопившаяся за день, постепенно давала о себе знать. Приказчик лёг, укрылся одеялом и некоторое время ещё думал о предстоящем празднике.

Перед его глазами снова возникла статуя. Он вспомнил, как торговец активировал браслет. Вспомнил, как металлическая танцовщица начала двигаться, словно под невидимую музыку. Вспомнил, как все присутствовавшие тогда смотрели на неё, забыв о разговоре и даже о самой сделке. Во дворце зрителей будет гораздо больше. Там окажутся представители старейших родов, министры, военачальники, послы соседних государств, придворные дамы и сам император. Вдобавок на празднике будет вдовствующая императрица, ради которой и приобретался подарок.

Приказчик представлял, как статую устанавливают в главном зале. Вокруг неё расставляют драгоценные сосуды, нефритовые изделия и прочие подношения. Впереди сверкают троны, на которых расположится императорская семья. В зале звучат поздравления, слуги разносят напитки, а знатные гости стараются привлечь к себе внимание. И вдруг, в самый подходящий момент, металлическая танцовщица оживает. Сначала поднимается рука с веером. Затем плавно поворачивается корпус, лёгким движением раскрывается второй веер. Фигура делает несколько шагов, поворачивается вокруг своей оси и начинает исполнять танец, которого никто прежде не видел.

Все присутствующие замирают. Разговоры прекращаются. Даже самые важные чиновники поворачивают головы. Вдовствующая Императрица удивлённо смотрит на необычное представление, а Император, заметив её интерес, тоже обращает внимание на танцовщицу. И вот тогда приказчик делает шаг вперёд, низко кланяется и сообщает, что это подарок семьи Сун, который он лично доставил и подготовил к показу. Его замечают. Императрица спрашивает, кто он такой. Он отвечает, что всего лишь скромный служитель княжеского дома. А затем она улыбается и приказывает наградить его.

Приказчик во сне уже видел, как ему преподносят золотые слитки, один за другим. И, конечно, не обычное серебро. Разве Императорская семья станет награждать достойного человека серебром? Серебро — это деньги для торговцев, чиновников и простых дворян. Золото же куда больше подходит для Императорской щедрости. Может быть, ему даже вручат золотую грамоту или особый знак отличия. Он тогда сможет обратиться к нужным людям, начать переговоры о покупке должности и постепенно выбраться из положения, в котором вынужден был всю жизнь служить чужому дому. А если удастся заработать ещё несколько тысяч лянов на подобных сделках, то можно будет задуматься и о собственном титуле.

Приказчик даже улыбнулся во сне. В его представлениях будущее уже складывалось самым благоприятным образом. Он видел перед собой блестящий зал, танцующую статую, сверкающие троны и множество людей, которые впервые в жизни смотрели на него не как на обыкновенного служащего.

Он не думал о том, почему торговец так легко согласился продать ему столь необыкновенную вещь. Не задумывался, зачем понадобилось скрывать её под видом обычной скульптуры и почему продавец столь настойчиво обучил его управлению браслетом, не потребовав никаких дополнительных гарантий. Не интересовался он и тем, откуда контрабандисты привезли адамантитовую фигуру, кто изготовил её и для какой цели. Всё это казалось ему несущественным. Он видел только собственную выгоду. И потому даже не подозревал, что в действительности его роль была куда проще и куда опаснее, чем он себе представлял. Он не был ни главным участником сделки, ни человеком, который определял, где и когда появится статуя. Ему доверили лишь доставить её в нужное место, обеспечить сохранность и, самое главное, самому привести механизм в действие перед людьми, чьё внимание требовалось привлечь.

Ему оставили достаточно свободы, чтобы он считал себя хозяином положения, и достаточно обещаний, чтобы он не задавал лишних вопросов. Впрочем, тысяча лянов серебра, спрятанная в его сундуке, была вполне настоящей. И именно о ней приказчик думал с куда большим удовольствием, чем о возможных последствиях своего участия в чужой интриге.

Ночь постепенно поглотила княжескую резиденцию. В главном зале продолжали дежурить два стражника, а под покрывалом неподвижно стояла металлическая танцовщица. Её лицо по-прежнему скрывал веер, рука была отведена назад, а изящная фигура застыла в безупречно выверенной позе. С виду она оставалась всего лишь необычным подарком для вдовствующей Императрицы. Но в глубине адамантитового корпуса находился механизм, который ждал своего часа.

А за пределами княжеской резиденции люди, доставившие его в столицу, уже занимались следующими приготовлениями. Они не собирались ограничиваться одной продажей и не намеревались полагаться на удачу. У них имелись другие товары, другие покупатели и, что гораздо важнее, определённая цель, ради которой они вообще рискнули провести контрабанду через столичные ворота. Приказчик же спал спокойно, уверенный, что впереди его ждёт самый удачный день за всю службу в доме Сун…

День великого торжества

Столица проснулась задолго до того, как первые лучи солнца коснулись крыш дворцовых павильонов. Ещё в предрассветных сумерках по главным улицам уже двигались люди. Одни торопились занять места на площадях, другие разворачивали торговые навесы, третьи тащили тяжёлые корзины с продуктами, котлы, жаровни и складные столы. В переулках слышались голоса распорядителей, скрип тележных колёс и звон посуды, а над крышами постепенно поднимался лёгкий дымок от кухонных очагов.

В этот день столица отмечала юбилей вдовствующей Императрицы. Праздник был настолько значительным, что его ощущали даже те, кто никогда в жизни не видел ни Императора, ни его матери. Для одних это был повод заработать, для других — возможность отдохнуть от повседневных забот, для третьих — редкий случай увидеть представления, которые обычно проходили только во время больших торжеств. А для знатных семейств, чиновников и посланников соседних государств наступал день, когда следовало продемонстрировать свою преданность императорскому дому, не упустив при этом возможности напомнить о собственном положении.

Первые торжественные звуки музыки раздались ещё до восхода. Сначала с нескольких храмовых площадок донеслись размеренные удары больших барабанов. Затем к ним присоединились медные гонги, протяжные звуки духовых инструментов и звонкие переливы струнных. Музыканты, заранее распределённые по главным площадям и широким улицам, исполняли праздничные мелодии, которые постепенно сливались в единый торжественный шум.

Особенно величественно звучала музыка возле центральных ворот столицы. Там заранее установили высокие помосты, украшенные красными и золотистыми полотнищами. На них разместились большие барабаны, гонги и целые группы музыкантов в праздничных одеждах. Время от времени руководитель оркестра поднимал руку, и звучание менялось. Тяжёлые барабанные удары уступали место плавной мелодии, а затем вновь раздавался мощный аккорд, от которого, казалось, дрожали деревянные балки помоста. Впрочем, торжественная музыка была лишь частью того, что происходило в городе.

С наступлением рассвета на площадях начали расставлять столы. В некоторых районах их было так много, что свободного места между ними почти не оставалось. Длинные деревянные поверхности покрывали чистыми скатертями, ставили большие блюда, кувшины с напитками, корзины с лепёшками и миски с фруктами. Возле некоторых столов уже дымилось мясо, которое повара жарили на длинных вертелах, а в больших котлах медленно варились густые супы. По распоряжению городских властей часть угощений предназначалась для всех желающих. Богатые купцы, ремесленные объединения и некоторые знатные семьи заранее внесли пожертвования, чтобы в день торжества жители столицы могли получить праздничную еду совершенно бесплатно.

Разумеется, никто не забывал и о собственных интересах. Купцы рассчитывали на благодарность горожан, ремесленники хотели показать качество своей продукции, а представители знатных домов не упускали случая продемонстрировать щедрость своих покровителей. Но даже если за многими пожертвованиями стояли вполне земные расчёты, простым жителям было от этого не хуже. Для людей, которые каждый день считали расходы на рис, овощи и дрова, возможность поесть досыта, не потратив ни одной монеты, была весьма приятным событием.

В одном из кварталов уже выстроилась очередь за горячими рисовыми лепёшками. Рядом раздавали мясные пирожки, небольшие порции тушёной рыбы и овощей. Чуть дальше несколько поваров готовили на открытых жаровнях кусочки мяса с пряностями, и аромат распространялся по всей улице, заставляя прохожих невольно поворачивать головы. На другой

площади угощали сладостями. Там стояли корзины с засахаренными фруктами, орехами в медовой глазури и небольшими рисовыми пирожными. Детвора крутилась возле столов, стараясь разглядеть, что именно сегодня достанется каждому, а взрослые терпеливо следили, чтобы самые проворные мальчишки не растолкали остальных. В некоторых местах раздавали чай, в других — горячие отвары из трав и пряностей. Там, где имелись большие запасы вина, его предлагали взрослым посетителям, хотя распорядители внимательно следили, чтобы никто не напивался до потери разума. Ведь праздник должен был оставаться радостным, а не превращаться в повод для бесконечных драк.

Городские стражники с самого утра обходили площади, проверяя, чтобы столы не загромождали проезды, чтобы у очагов соблюдали осторожность, а торговцы не пытались продавать под видом бесплатного угощения то, что полагалось раздавать безвозмездно. На перекрёстках появились дополнительные патрули. Впрочем, сегодня их присутствие почти никого не беспокоило. Люди были слишком заняты праздником. Особенно оживлённо становилось там, где начинались представления.

На одной из широких улиц между двумя высокими деревянными помостами натянули канат. Он находился достаточно высоко, чтобы проходившие под ним люди невольно поднимали головы. На обоих концах стояли крепкие стойки, а возле них дежурили помощники, следившие за натяжением верёвки. Канатоходец появился не сразу. Сначала на помост вышел мужчина в яркой одежде, с длинными рукавами и широким поясом. Он поклонился собравшимся, произнёс несколько шутливых фраз, заставивших детей засмеяться, а затем объявил, что сейчас публика увидит искусство, которому невозможно научиться за один год. Из толпы донеслись одобрительные возгласы. Вскоре на канат ступил молодой артист. В руках он держал длинный шест, помогавший сохранять равновесие. Первые шаги были осторожными, но затем он уверенно пошёл вперёд, постепенно ускоряясь. В какой-то момент остановился посередине, развернулся, присел на одну ногу и поднял шест над головой.

Толпа громко ахнула. А затем артист сделал ещё несколько шагов, повернулся боком и продолжил движение, словно натянутый канат был не узкой верёвкой над землёй, а обычной мостовой. Дети кричали от восторга, взрослые хлопали в ладоши, а некоторые зрители бросали на помост мелкие монеты. На соседней площадке выступали жонглёры. Один из них ловко подбрасывал в воздух деревянные шары, постепенно увеличивая их количество. Второй работал с небольшими металлическими кольцами, которые сверкали на солнце, перекрещиваясь над его головой. Третий же удивлял публику тем, что одновременно подбрасывал несколько предметов, а затем неожиданно ловил их за спиной, продолжая улыбаться и разговаривать со зрителями.

Чуть дальше собралась толпа вокруг паяцев. Один был наряжен в нелепый длинный халат, другой носил огромную шапку с колокольчиками, третий изображал важного чиновника, который никак не мог справиться с собственным поясом. Они разыгрывали короткие сценки, высмеивая человеческую жадность, тщеславие и привычку перекладывать ответственность на других. Особенно громко смеялись, когда один из артистов, изображавший богатого торговца, пытался купить себе почётное место на празднике, но каждый раз оказывался позади людей, которые приносили всё более дорогие подарки.

— Неужели нельзя просто заплатить? — возмущался он, размахивая руками.

— Можно… — отвечал другой, изображавший распорядителя. — Но тогда придётся заплатить ещё и за то, чтобы тебя заметили!

Зрители разражались смехом. Разумеется, никто не произносил имён конкретных чиновников или знатных семейств. Но многие прекрасно понимали, о чём идёт речь, и с удовольствием смеялись над знакомыми пороками, которые в обычные дни не решились бы обсуждать даже дома. На других площадях показывали акробатические номера, выступали музыканты, кукольники и фокусники. Некоторые артисты привезли дрессированных животных, другие

демонстрировали необычные трюки с огнём. По улицам двигались небольшие процессии с расписными носилками, украшенными бумажными цветами и лентами.

В одном из кварталов группа барабанщиков сопровождала танцовщиц в ярких одеждах. Их выступление собирало особенно много зрителей: девушки двигались синхронно, раскрывая и складывая веера, а широкие рукава их нарядов словно продолжали движения рук.

Город постепенно наполнялся звуками, запахами и цветами. Над крышами поднималось солнце, освещая красные полотнища, золотистые украшения и праздничные флаги. Улицы, которые ещё вчера казались обычными, теперь выглядели совершенно иначе. На балконах висели цветные ткани, у входов в лавки появились декоративные фонари, а на некоторых перекрёстках установили высокие шесты с праздничными знамёнами. Даже самые бедные кварталы старались украсить свои дома. Где-то вывешивали простые бумажные фонарики, где-то расставляли горшки с цветами, а где-то просто тщательно выметали улицы и убирали мусор, чтобы встретить праздник в чистоте. В этот день столица действительно праздновала.

Однако совсем иная жизнь начиналась в кварталах, где располагались резиденции знатных семейств. Там утро было не менее шумным, но причины суеты отличались от тех, что царили на площадях. С самого рассвета слуги носили одежду, украшения и дорожные принадлежности. Управляющие проверяли списки подарков, сверяли печати на документах, пересчитывали сундуки и отдавали распоряжения сопровождающим. В некоторых домах ещё накануне вечером завершили приготовления, но даже там находились люди, которые в последний момент обнаруживали какую-нибудь мелочь, требовавшую немедленного исправления.

Знатные семьи стремились выглядеть как можно роскошнее. При этом никто не мог позволить себе одеваться совершенно произвольно. В Империи существовали строгие правила, связанные с положением человека, его титулом и местом в придворной иерархии. Цвета, узоры, головные уборы, пояса, драгоценности и даже некоторые детали вышивки могли указывать на принадлежность к определённому рангу. Человек, который позволил бы себе надеть одежду, предназначенную для обладателя более высокого титула, рисковал не просто вызвать недовольство окружающих. В некоторых случаях это могло быть расценено как сознательное нарушение Императорских установлений. Поэтому богатство приходилось демонстрировать с осторожностью. Одни выбирали дорогую парчу с тонкой вышивкой облаков и цветов. Другие надевали шёлковые одежды с узорами гор, рек и благоприятных растений. На поясах появлялись нефритовые подвески, золотые застёжки и украшения из редких камней. Женщины тщательно подбирали головные уборы, заколки и серьги, стараясь подчеркнуть положение семьи, не переходя установленных границ.

Особенно много внимания уделяли мужчинам, которые собирались лично представлять свой род при дворе. Старшие главы семейств надевали официальные одежды, соответствующие их положению. Их сопровождающие и младшие родственники тоже должны были выглядеть достойно, но не настолько роскошно, чтобы случайно затмить главу дома. В некоторых резиденциях происходили настоящие споры.

— Этот пояс слишком дорогой для моего положения.

— Но другой выглядит слишком просто!

— Я не собираюсь привлекать внимание к поясу. Мне нужно, чтобы смотрели на подарок.

— А если его подарок окажется скромнее нашего?

— Тогда пусть смотрят на наш.

Впрочем, подобные разговоры быстро прекращались, когда в комнату входил глава семьи. В этот день каждый знал, что должен выполнить свою роль.

Подарки готовили заранее, но окончательная проверка проводилась непосредственно перед отправлением. Небольшие драгоценные изделия укладывали в ларцы, обтянутые дорогой тканью. Нефритовые сосуды закрепляли в деревянных футлярах, чтобы они не соприка-

сались друг с другом. Книги и редкие рукописи оборачивали плотной материей, защищая от сырости и случайных повреждений.

Некоторые семьи ограничивались небольшими дарами, которые глава дома мог держать в руках или передать сопровождающему. Другие готовили целые обозы. У ворот одной из резиденций выстроилось несколько карет, нагруженных сундуками с дорогой парчой. Ткань была привезена из дальних провинций, где находились знаменитые ткацкие мастерские. В сундуках лежали отрезы, изготовленные из тончайших нитей, окрашенные редкими красителями и украшенные сложными узорами. В другом доме готовили подарок из редких благовоний и лекарственных растений. Несколько ларцов с содержимым сопровождались отдельными списками, где подробно указывались происхождение каждого ингредиента и его свойства. Глава семьи считал, что вдовствующей Императрице будет приятно получить то, что не только красиво, но и полезно. Одна из старых семей привезла набор изделий из нефрита. В нём были чаши, небольшие курильницы, шкатулки и несколько искусно вырезанных фигурок. Всё это упаковали в отдельные ящики, проложенные мягкой тканью. Особое внимание привлекал обоз с вином. Его доставили ещё накануне, но только утром начали готовить к отправке во дворец. В нескольких крепких деревянных ящиках находились небольшие керамические сосуды, а в отдельных бочках — редкое выдержанное вино, привезённое из далёких земель. Некоторые сорта были настолько редкими, что даже богатые купцы не могли позволить себе приобрести их без предварительного заказа. На бочках имелись специальные печати, подтверждавшие происхождение и год изготовления. В сопровождении ехали люди, которые должны были удостоверить, что вино не испортилось в дороге и не подвергалось замене. Хозяин этой резиденции лично проверил каждую печать.

— Если хотя бы одна бочка окажется повреждена, — предупредил он управляющего, — ты будешь отвечать передо мной.

— Всё проверено, господин. Вино находится в надлежащем состоянии.

— Тогда проследи, чтобы его не оставили на солнце и не поставили возле жаровен.

— Да.

В другой части города несколько человек с большим трудом грузили на повозку массивный ларец, внутри которого находилось изделие из красного дерева. Оно представляло собой сложную резную композицию с изображением горного пейзажа, сосен и журавлей. Работа была выполнена настолько искусно, что даже мастера, участвовавшие в её изготовлении, не могли скрыть гордости. Некоторые семьи отправляли подарки заранее, но большинство предпочитало сопровождать их лично. Ведь сам факт присутствия при дворе имел не меньшее значение, чем содержимое сундуков.

Для знатного человека юбилей вдовствующей Императрицы был не просто праздником. Это была возможность предстать перед императорской семьёй, обменяться приветствиями с другими влиятельными людьми, напомнить о существовании своего рода и, если повезёт, получить приглашение на более близкую аудиенцию. Даже короткая беседа с императором могла оказаться полезнее нескольких месяцев переписки с чиновниками. А если удавалось получить благосклонный взгляд вдовствующей Императрицы, то многие двери открывались куда легче. Поэтому никто не хотел опаздывать.

К середине утра главные дороги, ведущие к Императорскому дворцу, начали постепенно заполняться каретами, повозками и верховыми всадниками. Первыми отправлялись те, кому требовалось доставить крупные подарки. Их сопровождали слуги, носильщики, управляющие и охрана. За ними следовали главы семей и ближайшие родственники, одетые в официальные праздничные одежды. Постепенно движение становилось всё плотнее. На одних повозках находились закрытые сундуки, на других — высокие деревянные ящики. Некоторые грузы перевозили под плотными тентами, чтобы защитить от пыли и посторонних взглядов. На отдельных

телегах стояли бочки с вином, маслами и другими ценными жидкостями. Их дополнительно закрепляли верёвками и деревянными распорками.

Стража на дворцовых дорогах заранее подготовилась к наплыву гостей. На нескольких перекрёстках установили дополнительные заграждения, а городские патрули направляли повозки по определённым маршрутам. Никому не позволяли останавливаться посреди проезда, разворачивать телеги или пытаться объехать очередь через узкие переулки. Особенно строго следили за тем, чтобы никто не пытался проехать вперёд, ссылаясь на своё происхождение. Даже знатные люди должны были соблюдать порядок. Впрочем, некоторые всё же пытались использовать положение.

— Вы знаете, кто мой господин? — раздражённо спросил один из сопровождающих, когда стражник попросил его повозку встать за предыдущей.

— Знаю… — спокойно ответил офицер. — И знаю, что перед вами ещё семь семей, прибывших раньше.

— Но у нас особое приглашение!

— Тогда предъявите его распорядителю. Если оно действительно позволяет вам пройти без очереди, вас пропустят.

Сопровождающий недовольно поджал губы, но спорить дальше не стал. Сегодня никто не желал портить себе настроение ещё до входа во дворец. Тем более что за каждым подобным происшествием могли наблюдать другие семьи, а слухи в придворной среде распространялись быстрее, чем хотелось бы. К тому времени, когда солнце поднялось достаточно высоко, перед внешними воротами Императорского дворца уже образовалась внушительная очередь. Величественные стены возвышались над окружающими зданиями, а над воротами развевались Императорские знамёна. По обеим сторонам стояли ряды вооружённых гвардейцев в парадных доспехах. Их бронзовые и лакированные элементы блестели на солнце, а копья и алебарды были украшены небольшими лентами. Перед воротами находились чиновники Министерства ритуалов, проверявшие списки приглашённых и принимавшие сведения о подарках. Чуть дальше стояли служители, отвечавшие за доставку грузов во внутренние помещения. Каждая семья должна была назвать своё имя, предъявить необходимые документы и сообщить, что именно привезла в дар.

После этого подарок осматривали, записывали и направляли в соответствующее помещение. Разумеется, речь не шла о том, чтобы открывать каждый сундук прямо на дороге. Однако сопровождающие обязаны были предоставить опись, а распорядители могли потребовать проверить содержимое, если возникали сомнения. Для редких вин, лекарств и некоторых других товаров существовал отдельный порядок. Их принимали люди, обладавшие соответствующими знаниями, чтобы не допустить порчи или подмены. И всё же даже такая система не могла полностью избавить праздник от суеты. Кто-то забыл печать на одном из документов. Кто-то неправильно указал количество сундуков. У одной семьи обнаружилось, что слуга перепутал два одинаковых ларца, а у другой — что на повозке сломалось крепление.

Чиновники старались сохранять невозмутимость, хотя их лица постепенно становились всё более усталыми. Ведь очередь не уменьшалась. Напротив, с каждым часом она становилась длиннее. К воротам продолжали прибывать новые гости. Одни приезжали в роскошных каретах, украшенных гербами и резными элементами. Другие предпочитали верховых лошадей, демонстрируя выносливость дорогих скакунов. Некоторые старые чиновники прибывали в сравнительно скромных экипажах, но их сопровождали люди, чьи официальные пояса и знаки отличия говорили о высоком положении куда убедительнее любых украшений. Встречались и иностранные посланники.

Их сопровождение отличалось одеждой и манерой держаться, однако все они соблюдали установленные правила. Послы и представители соседних государств привезли собственные дары, заранее согласованные через Министерство ритуалов. Некоторые подарки были

настолько необычными, что даже дворцовые служители невольно задерживали на них взгляд. Один обоз доставил редкие изделия из цветного стекла. Другой — искусно обработанные камни и украшения, изготовленные мастерами далёкой страны. Ещё одна делегация привезла музыкальные инструменты, которые в Даюне почти не встречались. Каждый старался показать, что его государство или род способны преподнести вдовствующей императрице нечто достойное её положения. Но за всей этой роскошью скрывалось обычное человеческое желание быть замеченным. Одни рассчитывали получить должность. Другие надеялись на освобождение от старых обязательств. Третьи хотели добиться расположения императорского дома, чтобы впоследствии использовать его в спорах с соперниками. Были и те, кому было достаточно просто появиться во дворце, чтобы затем рассказывать знакомым, что они лично поздравляли вдовствующую Императрицу. При этом никто не желал выглядеть чрезмерно усердным. Ведь слишком скромный подарок мог быть воспринят как неуважение, а слишком роскошный — вызвать подозрение в попытке продемонстрировать богатство или затмить других. Особенно осторожными были семьи, обладавшие высоким титулом: они должны были соответствовать своему положению, но не могли позволить себе нарушить придворные правила. В результате перед дворцовыми воротами постепенно сформировалась длинная, пёстрая и весьма внушительная вереница. Впереди стояли несколько повозок с крупными подарками. За ними расположились кареты влиятельных домов, а чуть дальше — экипажи семей, которые не обладали столь значительным богатством, но всё же имели право присутствовать на празднике.

Между ними двигались слуги с ларцами, охранники с копьями, чиновники с документами и сопровождающие, которые старались не потерять из виду собственных господ. Время от времени раздавались команды распорядителей, и очередь понемногу продвигалась вперёд. Из-за высоких дворцовых стен доносилась музыка. Там, во внутренних дворах, уже проходили приготовления к торжественной церемонии. Музыканты занимали свои места, служители проверяли расстановку столов, а придворные дамы и чиновники готовились встретить вдовствующую императрицу.

Город продолжал шуметь и веселиться за пределами дворца, но здесь, у главных ворот, царила совсем другая атмосфера. Каждый прибывший старался выглядеть достойно. Каждый подарок должен был быть принят без замечаний. Каждое приветствие следовало произнести в соответствии с положением собеседника. И пока простые жители столицы ели праздничные угощения, смотрели на канатоходцев и смеялись над шутками паяцев, перед дворцом выстраивались люди, для которых сегодняшний день мог определить многое в их дальнейшей жизни. Они прибывали один за другим, терпеливо ожидая своей очереди, и каждый надеялся, что вдовствующая Императрица обратит внимание именно на его дар. Никто из них не хотел остаться незамеченным. А за пределами дворцовых стен продолжала звучать музыка, гремели барабаны, раздавался детский смех и пели уличные артисты. Над столицей стоял праздничный гул, словно весь город одновременно решил поздравить женщину, которая, даже не занимая официального государственного поста, оставалась одной из самых влиятельных фигур империи.

Когда очередь перед дворцовыми воротами наконец начала заметно продвигаться, в ней появилась процессия, которую стражники и распорядители узнали сразу.

Впереди ехали несколько всадников в строгих одеждах, за ними двигалась карета старого гуна Ван. Её сопровождали люди из его дома — старшие слуги, управляющие и охрана, державшаяся собранно, без лишнего шума. Следом шли молодые родственники, а рядом с ними — Ченнань-хоу.

Ван Юэ тоже находилась в процессии. На ней было праздничное платье, сшитое из дорогого шёлка глубокого оттенка, а волосы украшали тщательно подобранные заколки. Она держалась спокойно, хотя внимание окружающих всё равно ощущала, что окружающие их люди

узнавали старого гуна, замечали его внучку и, конечно, серебристые волосы молодого хоу, о котором в столице за последние недели говорили всё чаще.

А-рэ был одет в парадное одеяние, соответствующее его титулу. Он не стремился затмить окружающих украшениями, но и скромность его наряда не выглядела неуместной. На поясе висели несколько изящных подвесок, а ткань, хоть и не была расшита драгоценными нитями, отличалась тонкостью и качеством. Внешне молодой хоу казался невозмутимым, однако взгляд его то и дело скользил по дворцовым воротам, стражникам и длинной веренице прибывающих гостей.

Семья Ван привезла несколько подарков, но два из них предназначались для личного преподнесения вдовствующей Императрице. Первый находился в длинном деревянном футляре, который несли двое слуг. Второй — в небольшом резном ларце, доверенном отдельному сопровождающему. Старый гун заранее распорядился, чтобы дары не ставили рядом и не смешивали при регистрации. Один подарок был от его семьи, другой — от молодого Ченнань-хоу.

Это различие имело значение. Старый гун не собирался присваивать себе заслуги А-рэ, а молодой хоу не хотел, чтобы его собственный дар выглядел частью чужого подношения. Поэтому, когда семью Ван наконец пригласили к месту приёма, они подошли вместе, но каждый представил подарок от своего имени.

Внутри дворцового зала было светло и торжественно. Высокие окна пропускали утреннее солнце, которое ложилось на пол широкими прямоугольниками. Вдоль стен стояли придворные чиновники и служители Министерства ритуалов, а в стороне разместились музыканты, исполнявшие негромкую праздничную мелодию. На возвышении находилось место вдовствующей Императрицы, а неподалёку — Император и несколько членов императорской семьи.

Праздничные одежды, драгоценности и церемониальные знаки отличия создавали вокруг тронов сияющую роскошь, но при этом в зале сохранялся строгий порядок. Каждый знал, где должен стоять, когда следует склонить голову и каким образом обращаться к государыне.

Старый гун Ван выступил вперёд первым. Он поклонился в соответствии с положенным обычаем и подал знак слугам. Те осторожно поставили перед ним длинный футляр. Когда крышку открыли, несколько присутствующих невольно подались вперёд. Внутри лежали две статуэтки коней. Они были вырезаны из чистейшего нефрита — светлого, почти прозрачного, с мягким внутренним сиянием. Мастер сумел передать не только мощь животных, но и движение. Один конь словно собирался сделать следующий шаг, другой чуть приподнял голову, будто прислушиваясь к далёкому звуку. Гладкая поверхность камня отражала свет, а тонкая обработка гривы, ног и мускулов показывала, сколько труда было вложено в каждую деталь.

По залу прошёл восхищённый шёпот. Даже люди, привыкшие видеть дорогие подарки, не могли скрыть впечатления. Нефрит такого качества был редкостью, а две статуэтки, созданные как единая пара, представляли собой не только драгоценность, но и произведение высокого искусства. Старый гун склонил голову.

— Вдовствующая Императрица, — произнёс он, — пусть эти кони станут знаком моего почтения и пожеланием долгих лет, крепкого здоровья и спокойного пути для Вашего Дома.

Императрица – мать внимательно осмотрела подарок. Её лицо оставалось спокойным, но в глазах появилось одобрение.

— Гун Ван, вы оказали нам честь… — ответила она. — Эти работы прекрасны. Передайте мастерам, что их искусство достойно похвалы.

Старый гун вновь поклонился и отступил на положенное место. После него вперёд вышел А-рэ. Его подарок был куда меньше. Слуга подал ему небольшую резную шкатулку, выполненную из тёмной древесины. На крышке были изображены тонкие ветви и распустившиеся цветы, а по краям шли аккуратные узоры, не перегружавшие поверхность. Шкатулка выглядела изящно, но на фоне двух нефритовых коней могла показаться скромной.

Некоторые из присутствующих даже успели подумать, что молодой хоу выбрал лишь красивую вещь, чтобы не затмевать подарок старого гуна. Однако А-рэ не пытался произвести впечатление размером ларца. Он подошёл к положенному месту, поклонился и передал шкатулку служителю, который открыл её перед вдовствующей Императрицей. Внутри, на мягкой подкладке, лежал снежный лотос. На первый взгляд цветок казался почти хрупким. Светлые лепестки были тонкими, с едва заметным серебристым отливом, а сердцевина сохраняла нежный оттенок, словно в ней ещё оставался холод высокогорного снега. Но стоило присмотреться, как становилось понятно, что перед ними не обычное растение. Лепестки были собраны в удивительно правильную чашу, а тонкий стебель и несколько листьев сохранили форму, будто цветок только что сорвали с живого растения. В зале стало тише. Вдовствующая Императрица чуть подалась вперёд. На мгновение её лицо изменилось — не от удивления одной лишь красотой, а от внезапного узнавания.

— Снежный лотос? — негромко спросила она.

А-рэ склонил голову.

— Да, Ваше Величество. Столетний снежный лотос. Он цветёт раз в сто лет, и его лепестки можно собрать лишь в полнолуние, когда цветок раскрывается полностью. Насколько мне известно, именно в этот краткий срок его лекарственные свойства достигают наибольшей силы.

Императрица не сразу ответила. В последние месяцы её здоровье действительно пошатнулось. Это не обсуждали открыто при каждом удобном случае, но дворцовые лекари и ближайшие служители знали, что государыня уставала быстрее прежнего, а некоторые недуги стали возвращаться чаще. Врачеватели советовали редкие снадобья, однако нужные ингредиенты было трудно достать даже при возможностях Императорского дома.

Снежный лотос принадлежал к тем редкостям, о которых чаще говорили в старых медицинских трактатах, чем видели в действительности. Считалось, что один его лепесток способен продлить жизнь человека на десять лет. А если приготовить из целого цветка особую пилюлю, можно излечить даже болезнь, которую обычные лекари признавали смертельной. Разумеется, подобные утверждения окружали легенды, и не всякий лекарь соглашался принимать их безоговорочно. Но даже самые осторожные знатоки признавали, что правильно собранный снежный лотос обладает необычайной целительной силой.

Императрица медленно повернулась к своему личному лекарю. Тот уже подошёл ближе. Он не стал сразу касаться растения, а сначала осмотрел его, проверил лепестки и стебель, затем осторожно наклонился, чтобы рассмотреть сердцевину. После этого попросил принести небольшую лупу и несколько мгновений изучал цветок через неё. Присутствующие ждали.

Наконец лекарь выпрямился и поклонился Императрице – матери.

— Ваше Величество, это действительно снежный лотос. По состоянию цветка и характерным признакам можно с высокой уверенностью сказать, что он собран в нужный момент. Лепестки сохранили силу, стебель не повреждён, признаков порчи нет. Это редчайший лекарственный ингредиент.

Вдовствующая Императрица слегка сжала пальцы на подлокотнике. В её взгляде появилось волнение, которое она, впрочем, сумела быстро скрыть. Она не любила показывать слабость перед большим собранием, особенно в день собственного юбилея. Но подобный подарок невозможно было принять как обычное подношение.

— Ченнань-хоу, — сказала она, обращаясь к А-рэ, — вы преподнесли нам чрезвычайно ценный дар.

Молодой хоу поклонился.

— Ваше Величество, я желаю Вам долгих лет жизни и крепкого здоровья. Пусть этот цветок принесёт пользу и позволит Вам ещё многие годы видеть благополучие Империи.

В этих словах не было ни чрезмерной лести, ни попытки присвоить себе заслугу за редкость подарка. Он говорил ровно и уважительно, как человек, который хотел пожелать здоровья, а не выставить напоказ собственную щедрость. Именно это услышали присутствующие. Снежный лотос был не просто драгоценностью. Он ясно выражал пожелание вдовствующей императрице долгой жизни — причём не отвлечённое, произнесённое ради соблюдения церемонии, а подкреплённое вещью, которая могла действительно помочь её здоровью.

В этот момент по залу прошла новая волна шёпота.

— Такой цветок найти почти невозможно…

— Говорят, его ищут целыми поколениями…

— Если он собран в полнолуние, то его ценность несравнима с обычными лекарствами…

— Ченнань-хоу преподнёс его лично…

Некоторые смотрели на А-рэ с искренним уважением. Другие уже пытались прикинуть, сколько стоил подобный подарок и каким образом молодой хоу сумел его получить. Были и те, кто сразу задумался о том, какую ответную милость императорская семья может оказать человеку, который в день юбилея преподнёс вдовствующей Императрице нечто настолько редкое.

Император тоже обратил внимание на подарок. Он коротко переглянулся с матерью, а затем посмотрел на А-рэ с явным интересом. Императрица тем временем вновь взглянула на шкатулку.

— Подойдите ближе, Ченнань-хоу.

А-рэ сделал несколько шагов вперёд. В тот же миг вдовствующая Императрица чуть повернула веер, приглашая приблизиться и Ван Юэ. Девушка заметила движение, склонила голову и последовала за женихом. Они оказались рядом, хотя между ними сохранялось небольшое расстояние, положенное при дворе. Их брак был уже утверждён императорским указом, но до церемонии оставалось ещё две недели. Поэтому они пока не выглядели супругами, привыкшими держаться вместе. Скорее двумя молодыми людьми, которых только предстояло соединить общими обязанностями и новой жизнью.

Вдовствующая Императрица посмотрела на них обоих.

— Насколько мне известно, ваша свадьба состоится совсем скоро… — сказала она. — Через две недели вы станете мужем и женой. Сегодня вы пришли вместе с семьёй гуна Ван, но каждый преподнёс собственный дар. Это достойный знак уважения и хорошего воспитания.

Ван Юэ опустила глаза и поклонилась. А-рэ ответил:

— Мы благодарны Вашему Величеству за внимание и благословение.

Императрица чуть улыбнулась.

— Ван Юэ, подойдите ещё немного. Я хочу рассмотреть вас ближе.

Девушка подчинилась. Веер в её руке дрогнул, скрывая лёгкое смущение. Вдовствующая Императрица внимательно оглядела её праздничный наряд, украшения и причёску, а затем задержала взгляд на короне феникса — том самом даре, который сама преподнесла Ван Юэ ранее.

— Корона вам к лицу… — произнесла она. — И хорошо, что вы не стали перегружать образ лишними украшениями.

Ван Юэ поклонилась ещё раз.

— Благодарю Ваше Величество за щедрый дар.

— А вы, Ченнань-хоу, — Императрица – мать снова посмотрела на А-рэ, — позаботьтесь, чтобы ваша будущая супруга всегда чувствовала себя в безопасности и уважении.

— Я приложу все усилия, Ваше Величество.

Ответ прозвучал без колебаний. Он не обещал невозможного и не пытался произвести впечатление громкими словами, но именно поэтому показался убедительным. Императрица кивнула, а затем велела личному лекарю принять шкатулку и передать её в надёжное место, где

цветок смогут сохранить до приготовления снадобья. Лекарь поклонился и осторожно закрыл крышку, словно опасался повредить даже воздухом тонкие лепестки.

Старый гун Ван, стоявший чуть поодаль, наблюдал за происходящим с уже практически нескрываемым удовлетворением. Он не вмешивался в разговор и не пытался напомнить, что именно его семья привела А-рэ ко двору. Напротив, он понимал, что сейчас лучше позволить молодому хоу самому отвечать за свой подарок. И всё же старик заметил, как изменились взгляды присутствующих. До этого многие рассматривали А-рэ с любопытством, как необычного молодого дворянина, получившего высокий титул благодаря своим заслугам. Теперь же в их глазах появилось нечто большее. Некое уважение, всё ещё немного смешанное с осторожностью и интересом. Снежный лотос был слишком редким подарком, чтобы его можно было забыть.

Вдовствующая Императрица ещё несколько мгновений беседовала с молодыми людьми, задавая вопросы о подготовке к свадьбе и о том, успели ли они привыкнуть к новому положению. А-рэ отвечал спокойно, не пытаясь украсить действительность. Ван Юэ говорила меньше, но держалась достойно и внимательно слушала государыню.

В это время к месту приёма приблизилась следующая процессия. Семья князя Сун двигалась медленно, соблюдая порядок. За старшими родственниками следовали слуги и сопровождающие, а позади них несли большой подарок, укрытый плотной тканью, напоминавшей парчу, хотя и не столь дорогой. Под покрытием угадывались очертания высокой фигуры.

Старый князь Сун хотел преподнести свой дар вдовствующей Императрице лично. Он заранее рассчитывал, что редкое изделие привлечёт внимание, а его появление в нужный момент позволит семье получить благосклонность при дворе.

Однако в тот момент Императрица всё ещё беседовала с А-рэ и Ван Юэ. Ни старый гун, ни молодой хоу не обратили внимания на приближающуюся процессию. Они не видели, что за их спинами слуги семьи Сун осторожно несут необычную фигуру, и не знали, какую роль ей предстоит сыграть в ближайшие часы.

В зале продолжала звучать негромкая музыка. А за высокими дворцовыми стенами столица шумела и праздновала, не подозревая, что среди многочисленных подарков, приготовленных к юбилею вдовствующей Императрицы, находится вещь, чьё настоящее назначение не было известно даже её будущему зрителю.

Старый князь Сун вышел вперёд с видом человека, которому давно следовало бы стоять в самом центре дворцового зала, а не ждать своей очереди среди прочих поздравляющих. Он чуть приподнял подбородок, горделиво выставив вперёд короткую, тщательно подстриженную бородку, и обвёл взглядом собравшихся. В его лице читалось довольство. Ведь сегодня он намеревался не просто преподнести подарок вдовствующей императрице, но и напомнить всем присутствующим, что род Сун по-прежнему занимает достойное место среди великих домов Империи Даюн.

Позади него четверо слуг осторожно потянули за ткань, укрывавшую подарок. Покрывало было тяжёлым, плотным, с тонкой золотистой вышивкой по краям. Оно зацепилось за выступ одной из фигурных подставок, и слугам пришлось переглянуться, прежде чем они слаженно приподняли его выше.

Князь Сун заметил заминку, нахмурился, но ничего не сказал. И всё только потому, что сейчас было не время чтобы демонстрировать раздражение. Он и без того ждал, когда окружающие наконец увидят то, ради чего он потратил такую сумму средств.

Ткань соскользнула вниз. На мгновение перед собравшимися возникла не статуя, а словно замершая в танце молодая женщина. Её тело было слегка развёрнуто, одна нога едва касалась пола, другая отставлена назад, будто следующий шаг уже начался, но по какой-то причине так и не был завершён. Одна рука поднята к лицу, закрывая часть щеки веером, вторая отведена в сторону, и раскрытый веер в ней казался продолжением плавного движения плеча.

На лице застыла мягкая, почти живая улыбка. Тонко очерченные губы, приподнятые уголки глаз, аккуратная линия бровей и тщательно проработанные пряди волос создавали впечатление, что танцовщица лишь замерла на короткий миг, прислушиваясь к музыке.

По поверхности статуи шли краски, подобранные так искусно, что с первого взгляда трудно было понять, из какого материала она изготовлена. Тёплые оттенки кожи, тёмные волосы, тонкие линии украшений и складки одежды скрывали истинный цвет металла. Даже вблизи фигура выглядела не вырезанной из камня и не отлитой из бронзы, а созданной руками мастера, который сумел передать не только черты лица, но и само ощущение движения.

Вокруг прошёл удивлённый гул. Кто-то тихо ахнул, несколько придворных невольно подались вперёд, стараясь рассмотреть подарок. В толпе послышались восхищённые замечания. Одни говорили о необыкновенном мастерстве резчика, другие — о тонкости работы, третьи удивлялись тому, как удалось добиться такого сходства с живым человеком. Даже среди тех, кто привык видеть драгоценные вещи и произведения искусных мастеров, подобное зрелище вызывало неподдельное любопытство.

Увидев настолько необычную статую, Ван Юэ, стоявшая рядом с А-рэ, невольно задержала дыхание. Она смотрела на это произведение искусства, пытаясь понять, что именно заставляет её казаться настолько живой. Дело было не только в лице или позе. В ней ощущалась какая-то странная собранность, будто тело не застыло навеки, а лишь на миг остановилось перед следующим движением.

А-рэ тоже рассматривал её с явным удивлением. Слишком уж совершенной казалась работа — и слишком необычной. Его взгляд скользнул по веерам, по тонким запястьям, по линии плеч и талии, задержался на неестественно ровных переходах между отдельными частями фигуры. Он ещё не успел сформулировать, что именно его насторожило, когда князь Сун наконец заговорил.

— В этот Великий день, когда весь Даюн чествует вдовствующую Императрицу, наш дом счёл своим долгом преподнести достойный подарок. — Произнёс он весьма чопорно, с заметным удовольствием от того, как внимательно его слушают. — После долгих поисков нам удалось разыскать произведение редчайшего мастерства. Пусть эта танцовщица украсит дворец и станет знаком нашего почтения к Её Императорскому Величеству.

Он сделал небольшую паузу, позволяя словам осесть в тишине. Слуги за его спиной уже отступили, оставив статую открытой взорам. Князь не видел, как приказчик, стоявший позади него на коленях, едва заметно усмехнулся.

Приказчик опустил голову, изображая смирение и почтительность. Затем медленно вытянул вперёд руку. На запястье блеснул браслет из тёмного металла, украшенный теми же серебристыми прожилками, что скрывались под краской статуи. Его пальцы легли на поверхность браслета так, как его учили, и на лице проступила угодливая улыбка человека, уверенного, что вот сейчас его усердие наконец будет замечено.

И в этот миг время словно остановилось. А-рэ стоял возле вдовствующей Императрицы, чуть позади Ван Юэ. Он только что перевёл взгляд со статуи на князя Сун, собираясь отступить, чтобы не мешать придворным рассматривать подарок. Но движение руки приказчика заставило его замереть.

Браслет.

Парень прекрасно знал о том, что это было не просто украшение и не дорогая безделушка. Его форма, расположение выступов и серебристые жилки на тёмном металле были слишком знакомы. А-рэ не видел подобные вещи у ракшаас. У него были и свои такие же. Поэтому он прекрасно знал о том, что они способны управлять механизмами, которые не должны двигаться сами по себе. И если этот браслет оказался на руке человека, стоявшего рядом с необычной металлической фигурой, значит, перед ним была отнюдь не простая статуя.

Раскраска могла скрывать материал… Мастерская работа — устройство… Но сам факт, что кто-то держал управляющий браслет возле неподвижной фигуры, не оставлял места для сомнений.

— Берегись! — рявкнул А-рэ бросаясь вперёд.

Его громкий крик разорвал праздничную тишину. Ван Юэ вздрогнула, даже не успев понять, к кому именно были обращены его слова. Вдовствующая Императрица растерянно повернула голову, а придворные возле неё только начали оборачиваться.

Но А-рэ уже двигался в сторону статуи. Он шагнул вперёд, одновременно перенося руку к мечу. Его слегка изогнутый клинок покинул ножны одним плавным, почти слитным движением. Тёмный, почти чёрный металл на мгновение поймал свет дворцовых фонарей, и серебристые прожилки, проходившие по лезвию, вспыхнули сложным узором, напоминавшим ветви морозного дерева или тонкие трещины в глубине льда.

Приказчик уже нажал на браслет, и статуя… ожила… Её тело качнулось вперёд с мягкой, почти бесшумной плавностью. Плечи повернулись, руки разошлись в стороны, и движение было настолько естественным, что на первый миг оно походило на начало настоящего танца. Веера раскрылись шире. Но то, что произошло дальше никто из присутствующих, включая даже самого приказчика, никогда не ожидал. Из их тонких створок с сухими щелчками выдвинулись узкие лезвия — длинные, острые, изогнутые, похожие на перья какой-то неведомой птицы.

В следующую секунду эти “перья” сорвались с вееров. Они полетели вперёд, несясь прямо к Императорской семье. Старый князь Сун, заметивший стремительное движение А-рэ, уже собирался выкрикнуть возмущённое замечание. Но за его спиной что-то резко щёлкнуло, и он обернулся как раз в тот момент, когда статуя начала выпускать лезвия. Его лицо исказилось от ужаса. Он рухнул на колени, даже не пытаясь удержать достоинство, и его короткая бородка почти коснулась ковра.

Первый веер лезвий пронёсся прямо над ним. Одно из них рассекло узорную заколку, удерживавшую его волосы. Заколка разлетелась, и седые пряди, прежде собранные в аккуратный узел, рассыпались по плечам и лицу. Князь не сразу понял, что именно произошло. Он лишь почувствовал, как что-то хлестнуло его по макушке, а затем волосы упали на глаза, закрыв обзор.

Вокруг раздались крики. Стражники Императорской семьи потянулись к оружию, но между первым движением и тем, когда они успели бы заслонить государыню, оставалось слишком мало времени.

А-рэ уже был на пути у летящих в сторону трона лезвий. Он двигался быстро, но не суетливо. В каждом шаге было что-то от отработанного упражнения. Корпус разворачивался ровно настолько, насколько требовалось, меч описывал короткие, точные дуги, а ноги не пересекали друг друга и не теряли опоры даже на гладком каменном полу. Он не пытался остановить лезвия силой удара. Лезвие его меча встречало их под углом, сбивало в сторону, меняя направление полёта так, чтобы они миновали людей.

Первое лезвие звякнуло о клинок и ушло вверх... Второе А-рэ отбил в сторону коротким движением кисти, не дав ему пролететь к вдовствующей Императрице… Третье он встретил почти у самого своего лица, резко развернув меч… Четвёртое отскочило от лезвия с резким металлическим звоном... Все четыре разлетелись в разные стороны.

Одно с жёстким хрустом вонзилось в потолок. Прямо в балку под навесом, что накрывал то самое место, где сейчас сидела сама Вдовствующая Императрица. Другое ударило в мраморный пол и раскололо его, оставив на поверхности сеть тонких трещин. Третье вошло в колонну возле головы стоявшего там придворного. Четвёртое пролетело у самой щеки женщины, которая успела лишь зажмуриться, и глубоко вонзилось в камень рядом с ней. Женщина вскрик-

нула и осела на пол, потеряв сознание. Кто-то из стоявших рядом попытался подхватить её, но сам едва удержался на ногах.

Но А-рэ даже не оглянулся. Он уже стремительно приближался к статуе. Та продолжала двигаться, будто не замечая, что её первая атака не достигла цели. Руки танцовщицы скользнули в стороны, корпус плавно повернулся, и веера вновь раскрылись. Ещё несколько лезвий вылетели из них, срезая воздух с тонким свистом. Но из-за близости к ней, парень практически одним плавным движением отбил их, заставив поочерёдно вонзиться в колонну, расположенную по соседству.

Молодой хоу шагнул навстречу. Он не стал отступать к Императорской семье, не попытался спрятаться за стражниками или выиграть время. Напротив, он пошёл прямо на источник угрозы, заставляя механизм направлять свои движения на него. Меч в его руке сверкал короткими вспышками. Каждое движение было рассчитано так, чтобы не только отбить лезвие, но и приблизиться на расстояние удара.

Статуя повернулась, и один веер описал широкую дугу. А-рэ проскользнул под ней, словно между двумя взмахами настоящего танца. Лезвия раскрытых вееров пронеслись над его плечом, одно зацепило край одежды, другое срезало несколько серебристых волос, но ни одно не достигло тела.

Он уже оказался рядом. Его меч пошёл по диагонали — плавно, без лишнего замаха, но с такой скоростью, что наблюдавшие успели увидеть лишь тёмную линию клинка, пересёкшую раскрашенную фигуру от плеча к поясу. И…

Статуя раскололась. Разрез прошёл через корпус, разделив металлическую танцовщицу на две части. Верхняя половина ещё на миг сохранила прежнюю позу, словно танец продолжался вопреки разрушению, затем с глухим ударом рухнула на пол. Нижняя часть качнулась и опрокинулась следом. Веера выпали из рук, а изнутри механизма донёсся сухой треск, похожий на хруст ломающихся тонких костей.

Обе половины судорожно дёрнулись. Пальцы одной руки несколько раз сжались и разжались. Один веер повернулся на полу, выпустив оставшиеся лезвия, которые с металлическим звоном рассыпались по мрамору. Затем движения прекратились. И танцовщица замерла окончательно.

Но А-рэ всё ещё не остановился. Он продолжил движение, словно по инерции, развернулся к приказчику, у которого на руке заметил тот самый браслет, и увидел, как тот наконец осознал случившееся. Угодливая улыбка уже исчезла с его лица. Он вскочил с колен, будто собираясь броситься к уничтоженной статуе, и из горла вырвался сдавленный, яростный вопль.

— Ты… ты испортил…

Он не успел закончить. Как А-рэ прошёл мимо него одним стремительным шагом. Меч взлетел и опустился в едином движении. Голова приказчика отделилась от тела и покатилась по расшитым коврам, оставляя за собой тёмный след. Его грузное тело ещё мгновение стояло, нелепо вытянув руки, затем рухнуло на колени и завалилось набок.

Всё произошло так быстро, что многие из присутствующих ещё не успели понять, что именно они увидели. Кто-то продолжал смотреть на разбитую статую, кто-то — на лежавшие вокруг острые лезвия. Стражники наконец выхватили оружие и сомкнулись вокруг вдовствующей Императрицы, а придворные, до того застывшие от ужаса, начали отступать, сталкиваясь друг с другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.